

КНИГА
ПЕРВАЯ

ЗА ГРАНЬЮ ЭВОЛЮЦИИ

ТАТЬЯНА ЛЕВ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Лев

За гранью эволюции

<https://litres.ru/74029501>

SelfPub; 2026

Аннотация

Татьяна Лев исследует тёмную сторону прогресса в романе на стыке фантастики и эротического триллера. Кассандра, младший лаборант, обнаруживает, что стала частью жестокого эксперимента. Каждое мгновение приближает её к иной реальности, где видения смертоноснее острых когтей.

Страх потерять человечность и заговор корпорации — всё это части игры, ставкой в которой является будущее Человечества. Как далеко можно зайти в поисках Истины, прежде чем сам станешь монстром?

Ответ, как всегда, за гранью...

Содержание

Вступление	5
Глава 1: Не по протоколу	10
Кассандра	10
Глава 2: Дыхание титана	16
Кассандра	16
Глава 3: Право первого шага	22
Кассандра	22
Глава 4: Красное на белом	28
Кассандра	28
Глава 5: Мост или клин	45
Кассандра	45
Глава 6: Ингибитор	52
Кассандра	52
Глава 7: Точка невозврата	57
Кассандра	57
Глава 8: Порог истины	65
Кассандра	65
Глава 9: Тот, кто не вернулся	71
Анна	71
Глава 9: Исчезнувший	75
Харпер	75
Глава 10: Прости, приятель	79
Лео	79

Глава 11: И да, и нет	82
Анна	82
Глава 12: Граница реальности	88
Кассандра	88
Глава 13: Цена выживания	99
Кассандра	99
Глава 14: Готовы	106
Кассандра	106
Глава 15: Цвет внутри	118
Кассандра	118
Глава 16: Кровь на руках	130
Кассандра	130
Глава 17: Рывок	141
Кассандра	141
Конец ознакомительного фрагмента.	145

За гранью эволюции

Вступление

Чей-то шёпот, проник сквозь сон и коснулся самой глубины сознания. Холод всё ещё держал её в плену — но разум уже рвался наружу. Настойчивый Зов проникал в беспокойный сон. Он был холодным и опасным, как прикосновение лезвия к горлу. Веки, словно свинцовые, медленно поднялись, и перед глазами предстала размытая картина: стерильный металлический интерьер отсека, окутанный тусклым голубоватым светом, и холодные серые стены, покрытые инеем, будто космическая бездна на мгновение коснулась их своим дыханием.

Она не сразу поняла, где находится. Тело и сознание только пробуждались от долгого забвения. В мерцающем свете коридора мир вокруг казался зыбким и неустойчивым, как будто реальность только-только начала складываться из осколков сна, как пазл из миллиарда кусочков.

Звуки тоже появлялись постепенно. Сначала внутренние звуки организма, такие привычные, что их перестаёшь чувствовать, а теперь заполнившие всё истораживающие. Безмолвие стазиса вдруг заполнилось свистящим хрипом собственного дыхания, переплетающегося с прерывистой дробью сердечного ритма. Именно поэтому мозг не от-

реагировал на новые звуки: скрип металла был где-то вдали, словно нечто вонзило когти в обшивку корабля.

Придерживаясь за металлическую конструкцию, девушка выбралась из слегка накрённой криокапсулы и попыталась осмотреться. Пальцы дрожали, впиваясь в металл, а в груди будто кто-то бил кулаками изнутри нетерпеливо требуя выхода. Она старалась восстановить детали, объясняющие её присутствие здесь. Безуспешно. Ни имени, ни миссии — только леденящий ужас забвения, давящая тоска смутного ощущения — что-то забыто намеренно.

Мягкое нанофибровое полотенце легко опустилось на её плечи, вырывая из пучины навязчивых мыслей. Кто бы мог представить, что обычное полотенце взорвет её ледяную вселенную мириадами светлых тёплых ощущений, захлестнувших мозг волной счастья. Замерев, она вцепилась в ткань, как утопающий в спасательный круг... и вдруг тишину разрезал голос, наполненный тревогой:

— Эй, ты как? Ты меня слышишь?

Незнакомка аккуратно протянула руку помощи. В её глазах читалась невозмутимость, присущая тем, кто уже привык к этим бесконечным космическим путешествиям.

— Держись, — послышался рядом ровный голос, полный уверенности. Медленно и осторожно повернув голову, она увидела девушку, которая уже успела привести себя в порядок. Напротив стояла худощавая девушка с короткими черными волосами и глубоко посаженными, сосредоточенными

тёмно-кариими глазами, скрывающимися за тонкой стильной оправой. На первый взгляд радужка казалась почти чёрной, но взгляд не пугал, а завораживал. Азиатские черты лица гармонировали с униформой: светлый костюм переливался под светом галогенных ламп серебристо-молочными оттенками. Аккуратно вышитая эмблема с буквами «EG» на груди придавала её облику некую официальную строгость.

— Очнись же! — произнесла незнакомка.

Наконец-то девушке удалось выпрямиться, чувствуя как каждое движение отдаётся эхом боли в ослабленном теле. Звуки корабля — едва слышное урчание механизмов, — создавали иллюзию живого существа, дышащего в такт её пробуждению. Она всем телом чувствовала как стены отсека слегка пульсируют, будто под металлом бьется сердце сильного и опасного зверя. Взгляд, устремлённый вперёд, постепенно начинал воспринимать новый мир более чётко.

Девушка осторожно покачала головой из стороны в сторону, пытаясь собрать окружающую действительность в единую картину. И в этот момент тело, ослабленное долгим криосном, вдруг подало тревожный знак. Силы стремительно покидали её. Казалось, что гравитация резко усилилась и непреодолимо потянула вниз. Тошнота, как неумолимое напоминание о цене первого шага за пределы планеты, наполнила не только рот, но и всё сознание. Это заставило её признать: испытание оказалось не только психологическим, но и физическим. Губы обожгла горечь, все тело сотрясали кон-

вульсии. Такой первичный отклик на безграничное космическое пространство, когда планетарные границы остались далеко позади, заставил её почувствовать себя ничтожной.

После того как мозг, повинувшись инстинкту, приказал организму очистить желудок, стало легче. На полу уже бесшумно и суетливо перемещались дроны-уборщики. А её деликатно, но твёрдо направили в душевую кабину, где под мягким потоком тёплой воды удалось избавиться от остатков криогеля.

Форма, одетая после душа, была создана из специального дышащего мембранного материала, способного защитить от многих неблагоприятных факторов. Он был легким, очень удобным и приятным для тела. На груди, чуть выше сердца, располагалась эмблема «ExoGenesis». На ней красовался синий корабль с изящными обводами, переходящими в четкие буквы «EG».

Перед выходом из душевой она остановилась у зеркала и посмотрела на свое отражение. «Кассандра». Имя само всплыло на поверхность просыпающейся памяти. Измученное серое лицо будто не изменилось с того момента как она впервые зашла на борт. Те же зелёно-медовые глаза, высокие скулы и задорные веснушки. Русые волосы девушка связала в тугий короткий хвост, но две прядки на висках всё равно упрямо торчали. Её взгляд задержался на отражении, пытаюсь понять, что она чувствует после стазиса, всё ли осталось прежним.

Вспыхнули обрывки детских воспоминаний. Одно из самых ярких — отец, полный благоговения перед безграничной вселенной, рассказывал ей о звёздных просторах в вечном океане тишины. «Мы тысячи лет восторженно смотрим на звёзды, и звёзды смотрят в ответ...», — говорил он, а его пальцы дрожали, будто вспоминал что-то, что хотел бы забыть. Каждая миссия была не только шансом открыть нечто новое, но и рискованным шагом в неизведанное, где могло произойти что угодно. Размышляя об этом, девушка невольно прожила свои мечты детства — слетать ко множеству далёких, но притягательных искорок на небе. Теперь же, оказавшись вдали от родной планеты среди холодного блеска металла и мерцающего света ламп корабля, она начала ощущать всю глубину своей судьбы. Столь отдалённой и, в то же время, неизбежно близкой.

Глава 1: Не по протоколу

Кассандра

Я вышла из душевой, дрожащими пальцами поправляя воротник комбинезона. Он был мне слишком свободным. Воздух впивался в кожу иглами холода, неся с собой стерильную резкость антисептика, привкус перегретой стали и отзвук чего-то прогорклого — будто время здесь начало портиться. Эхо шагов звенело в ушах, повторяясь в стенах коридоров, словно за мной шагал невидимый двойник...

Слишком пусто...

Слишком тихо...

Слишком... неправильно.

Проходя мимо рядов капсул, я прижала ладонь к груди, пытаясь заглушить холодок тревоги под рёбрами. Металлические панели мерцали тусклым синеватым светом. К горлу подступал горький ком — то ли от страха, то ли от привкуса криогенного геля.

Когда я вернулась в зону гибернации, сердце на мгновение остановилось. Передо мной, среди капсул и невысоких информационных панелей стояла девушка. Медик. Кажется, её звали Анна. Именно она помогала исследовательской группе отсека при погружении в гибернацию. Анна склонилась над

мужчиной, только что вышедшим из стазиса. Он сидел, опираясь на край капсулы, и, несмотря на бледность, выглядел собранным... Лицо было спокойным. Слишком спокойным. Будто всё контролировал. Внезапно он дважды шумно втянул носом воздух, пригнувшись, и спокойствие мгновенно сменилось напряженной решимостью. Он бросил быстрый взгляд на пол, потом на стены и потолок отсека, затем резко порывисто поднялся.

— Мы уже прибыли? — вдруг спросила я. Охрипший от долгого молчания голос предательски дрогнул. Слова прозвучали глухо, по-детски испуганно.

Анна слегка повернула голову. Свет ламп скользнул по её лицу, осветив высокие скулы, губы, поджатые в тонкую ниточку, и глаза... Чёрные, как космическая бездна, с золотистыми искорками в середине. Глубокие. Строгие. Словно холодные зеркала.

— Насколько мне известно, нет, — её голос звучал ровно, но уголки губ дрогнули. Что это? Улыбка? — система пробуждения активирована досрочно... и избирательно... отработала не по протоколу...

Я молча кивнула, пытаюсь осмыслить сказанное. И вдруг — яркая вспышка — воспоминание. Отец. Его сильные тёплые руки, обнимающие меня перед сном. «Один из пяти полётов заканчивается катастрофой, Касс. Но мы летим — потому что не можем иначе. По другому не утолить всепоглощающую жажду познания...». Потом он рассказывал новую

историю о мужестве простых исследователей, о героизме и внезапно появившемся лидере, от которого никто не ожидал такой силы и жажды жизни. О путешественниках, находивших решение любых задач. Герой, конечно же, всех спасал невероятными усилиями и жертвами, иногда даже ценой собственной жизни. Я слушала эти истории, затаив дыхание, всматриваясь в загадочные созвездия сквозь купол нашего небольшого исследовательского городка. Тогда это казалось романтичным и я верила, что однажды тоже стану частью подобного Великого пути Человечества сквозь безграничные вселенные... Теперь же слова отца звенели в ушах тревожным напоминанием...

Стоя здесь, глядя на полумрак между капсулами и тусклый отсвет ламп на металлических панелях, острая догадка, как обратная молния пронзила меня от пяток до темечка — в мой первый же полёт всё пошло не так! А я даже не знаю что именно случилось...

Это из-за отца я влюбилась в Космос. Его голос, доносившийся по вечерам сквозь гул фильтров под куполом колонии, рассказывал мне о звёздах, что дышат за сотни световых лет от нас, о мирах, укрытых фиолетовыми джунглями и омываемых кристаллическими океанами. Он говорил так, будто сам побывал там — не как исследователь, а как мудрец, которому позволили прикоснуться к чуду. И мне казалось: если он смог — значит, смогу и я.

Именно этот интерес стал решающим, когда меня приня-

ли в экипаж, без долгих проверок и отсрочек. Первый мой полёт стал частью экспедиции в ранее уже исследованный сектор. Там, по предварительным данным, в системе Новэля, была планета, потенциально пригодная для колонизации. Предстояло собрать материалы и данные, проанализировать атмосферу, климат, состав почвы, гравитацию. Всё. Как он делал когда-то, до того странного происшествия.

О судьбе отца знали немногие. Мне рассказали обрывочно, как будто боялись сказать лишнее. Письмо, которое пришло нам, было коротким — два абзаца патетики про «миссию человечества» и «безбрежные просторы», а потом сухое и холодное «...погиб при исполнении...». Как и всем, кто терял кого-то в экспедициях компании, мне не объяснили ничего. Никаких подробностей, никакого права задавать вопросы. Только скупой текст, чек и пустота.

Годы обучения остались позади и вот я в рядах тех, кто работал на компанию. Внутри меня снова вспыхнула надежда.

Теперь я была среди тех, кто знал... кто мог знать. Я верила что найду ответ. Может, окажусь там, где отец был в своей последней экспедиции...

Просыпаться из гибернации мы должны были строго по порядку: сначала капитан и старший офицерский состав, затем руководители направлений, техники — и лишь после полной активации экипажа наступала очередь таких, как я. «Живой груз». Исследователи. Переселенцы.

Так что же пошло не так? Почему именно нас разбудили — и так рано?

Поразмышлять над этим времени не хватило. В отсек вошёл уже одетый мужчина в темно-сером комбинезоне — значит, он техник.

Как мне объясняли ещё на подготовке, цвета на корабле сразу показывают, кто за что отвечает: синий — управленцы, зелёный — военные, тёмно-серый — инженеры. А мой бело-серый — как у всех сотрудников лабораторий и медотсека.

Его шаги были уверенными, но в них явно сквозило раздражение. Плечи широкие, осанка прямая, будто он только что вышел из тренировочного комплекса, а не из анабиоза. Серые глаза под густыми, чуть нахмуренными бровями, оглядели пространство, оценивая. Взгляд цепкий, тяжелый. Лицо, с едва заметной щетиной, делало вошедшего старше его возраста. Где-то лет тридцать пять, но серый пепел во взгляде накидывал ему ещё добрый десяток лет.

— Я инженер... Адам Крайт, — как рубленый металл прогремел голос, заставивший меня вздрогнуть. Мужчина подошел, и сразу стало тесно. Фигура, будто грубо вытесанная из скалы, тени под глазами... Его взгляд скользнул по Анне, потом по мне, и по спине побежали предательские мурашки, как после внезапного вопроса преподавателя на экзамене. И с чего вдруг у меня мелькнула мысль об экзамене?

— Где мы сейчас? — спросил он.

Анна, всё такая же собранная, слегка качнула головой и поправила очки. Свет ламп отразился в стёклах, делая её взгляд отстраненным и почти безэмоциональным.

— Точно сказать не могу... Я Анна Джуу, врач. Проснулась первой, успела только переодеться, как началось спонтанное пробуждение. После выхода из гибернации моей основной задачей стало медицинское сопровождение. Десять человек уже проснулись и направились в сторону капитанского мостика по третьей галерее. Но связи с ними нет — сигнал не проходит... основные коридоры заблокированы, передвигаться можно только по техническим линиям.

Я смотрела на своих спутников — хмурого, небритого мужчину с тенью усталости под глазами и девушку с прямой спиной и взглядом, не терпящим сомнений. Моё тело ещё дрожало, пытаюсь вспомнить, как дышать без криокамеры. А разум — впервые за долгое время — не находил опоры: всё, что я считала незыблемым, рассыпалось, как песок сквозь пальцы.

Неужели именно это значит быть в рядах исследователей новых миров? И если да, смогу ли я адаптироваться и дойти до того места, где был отец? Узнать правду?

Глава 2: Дыхание титана

Кассандра

Мы втроем ещё какое-то время стояли у криокамер, словно надеясь, что пробуждение продолжится. Напрасно. Десять открытых капсул зияли пустотой, словно скорлупки, покинутые птенцами. Остальные пассажиры корабля крепко спали. Не просто спали — их лица, бледные как лунный свет, застыли в безмятежности. Сон без снов. Ресницы не вздрагивали, губы не шевелились. Они парили в криогеле, словно фарфоровые куклы в объятиях ледяной вечности. Будто медленно растворялись в глухом безвременье. Жуткая красота, заставляющая сердце сжиматься от восхищения и страха.

Нужно было найти других проснувшихся. Мне не хотелось идти. Совсем. Ноги словно вросли в пол, а в животе комком ледяной ваты пульсировала неосознанная тревога. Подсознание шипело как змея, обвившаяся вокруг позвоночника: «Ты не должна была проснуться так рано. Не сейчас. Не здесь. Это ошибка». Словно кто-то вырвал страницу из учебника, оставив нас блуждать в поисках не только решения, но и самой задачи.

Личный коммуникатор молчал с того самого момента как

я после душа установила его за правое ухо. Ни одного звука. Ни шороха, ни щелчка статики. Я даже дважды снимала его, выключала и включала с детской наивной надеждой на простой глюк электроники. Напрасно. Современная техника с тройным резервированием просто не могла сбоить. Мы попытались связаться с другими отсеками через бортовой терминал корабля, но голографический экран радовал только равномерным холодным голубым светом — система работала, хоть и в странном режиме.

— Этому должно быть логичное объяснение, — голос Анны дрогнул, выдавая трещину в броне рационализма. Она вцепилась в терминал, как хищная птица, её ногти с белыми перламутровыми полумесяцами — постукивали по экрану с нарочитой точностью. Маникюр в космическом полёте? — удивилась я своему случайному открытию. Даже в таких мелочах она смогла подчеркнуть, что в первую очередь является строгой, но привлекательной девушкой, а уже потом медиком и членом экипажа.

— Возможно, наш сектор получил повреждение, и корабль сам выбрал для кого начать цикл пробуждения для оптимального устранения проблемы?

— Ага, конечно же, а те, кто вышел до нас, просто решили совершить экскурсию по кораблю, не дойдя до капитанского мостика, — Адам бросил фразу через плечо, прохаживаясь по отсеку. Он скользил взглядом по панелям стен и потолка, словно ища подтверждение неким своим догадкам, и не на-

ходил.

Секция была рационально минималистичной. Холодный и стерильный, как операционный зал. Только криокамеры, информационные стойки и контрольный терминал. Функциональность — вот и всё, на что здесь опирались. Лишние эмоции и украшения были бы чужды этому месту. «Отсек гибернации», как его обозначали на схемах, не был предназначен для жизни. Только для сна без сновидений. Для паузы между «до» и «после».

Ещё раз проверив оставшиеся капсулы, убедившись, что все жизненные показатели стабильны, мы поняли — оставаться здесь бессмысленно. Нужно поискать тех, кто проснулся до нас. Возможно они уже знают что произошло. А может и нашли капитана. Или... не нашли.

Холод в технической галерее был не просто температурой — он въедался в кожу ледяными иглами. Годы прыжка корабль провёл в режиме жёсткой экономии: ни кислорода, ни тепла в пустых отсеках. Зачем согревать стены, если внутри — только спящие тела и молчаливые машины?

Теперь системам требовалось время, чтобы вывести температуру на комфортный для человека режим. Корабль начинал прогрев секторов только после активации пробуждения команды.

Лампы над головой вспыхивали по трое, робко предугадывая направление нашего движения. Их слабый дежурный свет едва царапал тьму, не в силах прогнать тени. Казалось,

они становились только плотнее, словно настороженно следили за каждым нашим шагом.

Через пару минут и несколько гермодверей, открывшихся автоматически при нашем приближении, мы вышли в просторное помещение — столовую третьего отсека. Место, где должны были звучать смех, оживленные беседы и стук подносов с едой, теперь было холодным и неприветливым, как сцена заброшенного театра. Мебель стояла в привычном порядке: диваны, прикрепленные к полу, столы, стулья, терминалы заказа. Всё было на своих местах, но такое... безжизненное.

Я подошла к панорамному голографическому монитору и... весь остальной мир и растворился.

Передо мной был безбрежный Космос. Холодный, равнодушный, завораживающий. Он словно дышал. И я дышала с ним... не попадая в ритм. Пространство, которое не спрашивает кто ты, откуда и зачем. Тёмный, бескрайний простор, усыпанный алмазной крошкой звёзд, которые мерцали, словно удивлялись нашей смелости, как древние маяки, ведущие сквозь Вечность. Они дразнили, манили, напоминали о забытых мечтах.

Вдали по курсу мерцала планета. Почти неразличимая она казалась миражом, призраком. Но она несомненно была там. Незнакомая и загадочная, не похожая ни на один из тех миров о которых рассказывал мне в детстве отец. Её поверхность переливалась расплавленным перламутром, слов-

но жемчужина в чёрной ладони. Стареющая звезда — желтый карлик, тёплый и стабильный, нежил планету в своих крепких объятьях. И всё же я чувствовала ошибочность происходящего, мы слишком близко к чему-то новому.

— Мы ведь должны были проснуться последними, — мой шёпот растворился в тишине.

Голос инструктора, который тогда сопровождал мой первый поход по кораблю, прозвучал в памяти ясно, будто говорил прямо в ухо через коммуникатор. Я не могла вспомнить его лицо, только этот ровный, поставленный голос, в котором смешались и заученная торжественность и личная уверенность.

Тогда я подумала, что корабль — квазиживой организм. Он работает, дышит, живет. Сам по себе. Сам принимает решения и сам же их исполняет. Теперь же корабль казался... раненым.

Третий отсек — мой временный дом. S3. Надпись хорошо выделялась на плечевых креплениях: серая, аккуратная, как знак принадлежности. Здесь располагались жилые модули, отсек гибернации, инженерные камеры и биофермы — всё, что обеспечивало питание и жизненный цикл корабля.

Второй отсек был сердцем науки и щитом корабля: лаборатории, анализаторы, биокапсулы, оружейные модули. Мы — последнее звено цепи. Те, кому предстояло начать исследования и подготовить почву для колонизации после прибытия. Помню, как мне впервые показали мою будущую ла-

бораторию — компактную, но насыщенную технологиями. Проводя тогда ладонью по гладкой поверхности столов, я не верила, что совсем скоро всё это станет моей реальностью. Аппаратура казалась волшебной.

И, наконец, первый отсек — голова корабля. Капитанский мостик, энергетический центр, серверные хранилища вычислителя — эпицентр управления и принятия решений. Здесь жили те, кто вёл «Эос» сквозь Вселенную. У них были свои каюты, своё пространство — и, казалось, своя логика, в которую мы, из S3, не должны были вмешиваться.

Теперь же всё это было покрыто тишиной. Глухой, вязкой, навязчивой.

Наши шаги гулко отзывались в металле. Тусклый свет ламп дрожал. Я ощущала, как тяжёлое чувство неопределённости оседает внутри — будто мы пробирались не по коридорам корабля, а по телу спящего титана, не зная, когда он проснётся.

Глава 3: Право первого шага

Кассандра

Мы не стали задерживаться. Усталость тянула тело вниз, но тревожная неизвестность толкала вперёд. Примерно через двадцать минут движения по серой и холодной, будто застывшей в вечности технической галерее, мы добрались до второго блока. Как только пересекли порог шлюза, за нашими спинами с глухим металлическим стуком захлопнулась тяжёлая гермодверь.

Свет, прежде тусклый и холодный, вдруг вспыхнул новым сиянием, разливаясь по стенам, словно пробуждённая кровь по венам. Он не был ярким, но в нём появилось странное... тепло? Или это просто контраст с тем, что мы чувствовали до этого. В любом случае, он наполнял помещение неуловимой жизнью — будто корабль понял, что мы здесь, и начал реагировать.

Ещё один поворот, шаг в тень — и вот мы вышли во вторую гостиную. Здесь, в отличие от пустых отсеков, было теплее. Несколько человек уже собрались в помещении: мужчины, сидящие на массивном диване, были погружены в напряжённый разговор. Голоса звучали резко, отрывисто, как будто каждое слово поднималось на поверхность из-под ле-

дяного слоя под высоким давлением.

— Я же сказал — это закрытая информация! — долетела до нас концовка фразы.

Наше появление вызвало не удивление, а скорее настороженность. Разговор сразу прервался, и в воздухе повисло напряженное молчание. Оно не рассеялось, даже когда мы подошли ближе и поздоровались — скорее, наоборот, обострилось.

— Ну, наконец-то, — произнёс один из мужчин в зеленом комбинезоне. Он резко встал, словно не мог больше сдерживаться, и направился к нам тяжёлыми, пружинистыми шагами. В его голосе слышалась нетерпеливая злость, как будто само наше опоздание стало для него чем-то личным.

— Кто-то умеет открывать двери? — добавил он уже с иронией, скрестив руки на груди. Это было не просто раздражение — потребность в контроле над ситуацией, которая ускользала, а он пытался удержать её.

— Я Джеймс, сержант десантной группы экспедиции, — представился солдат. Его форма была со множеством карманов и стандартным креплением для оружия, хотя само оружие отсутствовало — сразу выдавало принадлежность к космолоту. Я быстро отметила детали: утилитарный материал, металлический знак на рукаве, несколько потёртостей в местах частого движения. Костюм не новый, но ухоженный.

Он был высоким, смуглым, с телосложением, которому впору поднимать грузовые модули голыми руками. Лицо —

бритое, но с равномерной чёрной щетиной, придававшей его чертам суровость. На левой щеке — светлый, едва заметный шрам. Ничего примечательного, если бы не его глаза. Карие, живые, добрые — в странном диссонансе с остальной, напряжённой фигурой. Джеймс ощущался как сгусток энергии.

Рядом с ним стоял второй — мужчина в таком же костюме, как и у меня. Единственное отличие — пластиковый пропуск, свисающий на груди с тонкого шнура. «Дмитрий О. В. Старший лаборант» — гласила надпись. Он выглядел лет на сорок пять, может, чуть больше. Густая грива темных волос и седина, разливающаяся по вискам и затылку, придавала его образу некую породистость.

Лицо старшего лаборанта было испещрено морщинами — не столько возрастными, сколько мимическими, словно он привык жить в состоянии постоянной внутренней борьбы. Серые глаза — тускло-светящиеся, как металлические шарики под лампой, — неотрывно следили за нами. Тревога в них не была панической, скорее осознанной. Как у человека, который что-то знает. Больше, чем говорит. Гораздо больше.

Нам коротко объяснили ситуацию: никто из нашего отсека здесь не появлялся. Те, кто стоял перед нами, тоже проснулись совсем недавно и пока не смогли добраться до капитанского мостика — двери не реагировали ни на какие команды. Что-то явно пошло не так. По их словам, сбой в системе затронул и их криосектор: несколько капсул открылись раньше, но пробуждённых не нашли.

— У вас тоже случилось выборочное пробуждение? — первой задала вопрос Анна.

— Наш медик всё ещё в капсуле, но да, — кивнул Джеймс.
— шесть проснувшихся.

Он кивнул в сторону хмурого мужчины, всё это время сидевшего в стороне. Тот только бросил короткий, тяжёлый взгляд в ответ.

— Получается, кто-то намеренно пробуждал по несколько человек из каждого сектора, — задумчиво произнесла Анна, переводя взгляд на металлическую закрытую дверь, у которой уже копошился Адам.

Тот не терял времени даром. Как только разговор перешёл к техническим вопросам, он уже оказался у терминала, сосредоточенно работая. Его пальцы уверенно скользили по экрану, словно по клавишам музыкального инструмента, исполняя знакомую мелодию. В коде он читал ответы, как в тексте старой книги. В гостиной нашлась сумка с инструментами, с которыми он обращался с точностью хирурга.

Я невольно посмотрела на Дмитрия. Он стоял в стороне от нас, словно статуя мыслителя. Его взгляд упирался в пустоту, и было в этом что-то молчаливо-зловещее.

Набравшись смелости я спросила:

— Почему двери заблокированы?

Ответ пришёл не от него, а от Адама, не отрывающего глаз от терминала:

— Кто-то заблокировал их изнутри. Не думаю, что смогу

открыть замок, но обойти защиту — можно попытаться.

Сердце сжалось. Страх медленно, но настойчиво заползал под кожу, заставляя дыхание сбиться. Неосознанно я обхватила себя за плечи — будто могла так защититься от собственной догадки.

— Может, мы не должны туда идти?.. Если дверь закрыли — значит, на то была причина.

В следующую секунду Джеймс перебил меня — спокойно, без тени сомнения, с той уверенностью, которой обладают только люди, привыкшие действовать.

— Мы уже обсудили это с Дмитрием. Первым делом — оружейная. Без оружия идти слишком рискованно.

— А я повторяю: мне нужно в лабораторию, — Лаборант поднялся, голос у него был жёсткий, тяжёлый. Только сейчас он решил приблизиться к нам.

— Но лаборатория в другой стороне! — Джеймс раздражённо вскинул руки. — Разделяться сейчас — худшее, что мы можем сделать. А с оружием нам будет спокойнее!

— Мне. Нужно. В лабораторию, — отчеканил он, будто отрывая каждое слово.

Больше он ничего не объяснил. И, честно говоря, в его упорстве было что-то пугающее.

В этот момент по комнате пронёсся щелчок замка — резкий, как выстрел.

— Готово, — коротко бросил Адам.

Блокировка была снята, и теперь дверь держалась лишь за

счет собственной тяжести. Гидравлика больше не удерживала её на замке, но чтобы сдвинуть массивную створку, требовалась немалая сила. Джеймс и Адам переглянулись, без слов понимая, что делать. Навалились плечами на металлическую конструкцию — и с хрипом, скрежетом, словно открывая врата в иное измерение, отодвинули дверь. Темнота в узком проёме будто звала нас.

И в эту паузу, прежде чем кто-то сделал шаг вперёд, мне показалось, что я почувствовала что-то чужое и пугающее.

Глава 4: Красное на белом

Кассандра

Когда все пробрались в образовавшийся проём, мы остановились на пересечении коридоров. Свет здесь горел так же ярко, как во втором секторе, и температура ощутимо повысилась. После полумрака галерей глаза болезненно реагировали на непривычную яркость — она отбрасывала резкие, вытянутые тени, которые будто цеплялись за стены. Тишина же была иной — слишком неправильной.

В левую сторону уходил перекрытый гермодверью коридор в оружейную. Точно такой же коридор по правой стороне, вёл в главную лабораторию. А прямо перед нами начинался длинный проём, ведущий к капитанскому мостику. Через первый отсек, где по плану, должны были находиться пилоты и бортовой компьютер.

— Полагаю, Дмитрий не прислушается к голосу разума и отправится в лабораторию один? — первым нарушил тишину Джеймс. Его голос прозвучал холодно. Даже не вопрос — скорее, констатация, за которой стояла явная неприязнь к упрямому лаборанту. Его пальцы сжались в кулаки, суставы побелели, но продолжить он не успел.

— А почему бы нам всем сразу не направиться к капитан-

скому мостику? — тихо предложила Анна, делая несколько шагов вперёд. Она указала рукой на прямой коридор. Её движение было резким, почти судорожным, выдавая напряжение, которое она пыталась скрыть за ровным голосом, — может, всё проще, чем кажется. Может, это всего лишь сбой системы?

— Если бы это был обычный сбой, дверь не заблокировали бы с этой стороны, — заметил Адам, скрестив руки на груди. Его взгляд скользнул по стенам, по потолку, по лицам — будто он сканировал пространство, выискивая уязвимые точки.

— Лучше обзавестись весомым аргументом, — продолжил он. — Хроники первых исследовательских полётов меня кое-чему научили. Будь то бунт, клаустрофобия или вторжение — если ты без оружия, ты уже мертвец. А я выбираю быть живым.

В его голосе не было бравады — только холодная, многократно проверенная истина. От неё по коже пробежали мурашки.

Я понимала, что разумнее двигаться вместе — чем нас больше, тем спокойнее. Несмотря на то, что мои стрелковые навыки оставляли желать лучшего, я не была бы обузой для группы, ведь физическая подготовка была на достаточно хорошем уровне. Как и у большей части команды. Но... Вопреки здравому смыслу меня тянуло пойти с Дмитрием. Его стремление первым делом отправиться в лабораторию было

не случайностью, и я была абсолютно уверена: он знает гораздо больше, чем говорит вслух. Отец... Он может знать про отца. Может знать, что произошло — горело в мозгу навязчивой искрой, сильнее разума.

Махнув рукой, лаборант развернулся к правой двери, приложил свой пропуск к замку и та легко беззвучно открылась. Дмитрий стремительно пошел по коридору, оставляя нас самих разбираться, кто куда направится. Его шаги были быстрыми, решительными, но в спине читалось напряжение пружины, готовой распрямиться в любой момент. Его фигура постепенно удалялась, пока не исчезла за поворотом, оставляя за собой лишь слабые отсветы автоматически включившихся ламп освещения. Тень Дмитрия на мгновение показалась мне неестественно длинной, изломанной, прежде чем раствориться во тьме коридора.

— Кас, ты идёшь? — спросила Анна, когда оставшаяся часть группы двинулась в противоположную сторону. Её голос прозвучал издалека, словно сквозь толщу воды.

В тот момент я не могла понять, что со мной происходит. Всё моё тело кричало, что мне нужно идти туда, куда идёт Дмитрий. Мышцы напряглись сами по себе, готовые к движению, вопреки воле. Казалось, он точно знает, что случилось с кораблём. Тело само, не советуясь с разумом шагнуло в проем.

Мир перед глазами вспыхнул — будто его пронзила мол-

ния изнутри. На одно короткое мгновение всё исчезло: коридор, шаги, свет ламп — всё растворилось, уступив место чему-то иному, пугающе яркому и болезненно живому. Резкий переход выбил почву из-под ног, оставив ощущение падения в бездонный колодец памяти или безумия.

Я стояла босиком в сердце безмолвной пустыни. Песок под ногами словно горел в собственной жажде. Он дышал, шевелился, охватывая ступни, утягивая вниз, будто пытался проглотить. Каждая песчинка жгла, как раскалённая игла. Боль пронзала ноги до костей, но в этом ощущении было что-то родное. Золотые зёрна сияли нестерпимо ярко, словно разбросанные по земле созвездия, но на ощупь — как шипы, вонзающиеся в кожу. Я чувствовала, как они впиваются, как кожа ноет от жара, будто я ступала по углям, хранящим боль тысяч сгоревших лет.

Дом... — прошелестело в сознании. И от этого слова стало ещё страшнее.

Небо было беспощадным. Ослепительно белое, бездонное, с гигантским, недвижимым солнцем в зените. Его свет подавлял. Он прижимал плечи вниз, выжигал мысли. Словно гигантское око, лишённое зрачка, оно слепило до боли, до слез, выжигая всё внутри, оставляя только пустоту и этот невыносимый Зов под кожей. Казалось, если я подниму взгляд, он пронзит меня насквозь, испепелит, оставив лишь прах.

Пустыня вокруг простиралась до горизонта, и там, вда-

ли, как будто поднималась одна-единственная дюна — огромная, почти нереальная. Как спина спящего титана, покрытая пеплом. Она дышала. Медленно, почти неощутимо, но дышала, и этот ритм диссонировал с бешеным стуком сердца в груди. Никаких следов, никакого движения, только живая тишина. Инфернальная бездна, в которой не было ни начала, ни конца.

Я попыталась вздохнуть, но воздух был слишком плотным. Он давил как жидкость на большой глубине, наполняя грудь тяжестью. Каждый вдох обжигал легкие как кипяток — как будто в лёгкие врывается не кислород, а раскалённый пар. Горькая песчаная пыль скрипела на зубах. Не могу... Не могу дышать...

Сердце в груди билось с дикой, животной яростью. Словно зверь, запертый в железной клетке, оно металось из стороны в сторону, готовое разорвать меня изнутри. Удары отзывались в висках, в пальцах, в самой земле под ногами. Каждый удар был криком, сливающимся с беззвучным гулом пустыни. В каждом глухом эхе я слышала нечто — Зов. Голос песка, голос солнца, голос той гигантской дюны — древний, неумолимый, зовущий в небытие. Иди... Иди...

Я смотрела себе под ноги, и казалось я исчезаю. Мои ступни исчезали в песке, растворяясь в бесконечном Зове этой пустоши. Песок лизал лодыжки, цепкий и горячий, затягивая все глубже, превращая в часть этого золотого, жаждущего ада. Как будто песок звал меня домой.

Да... Дом... — согласилась какая-то глубокая, первобытная часть души.

И вот тогда я впервые ощутила не просто тревогу. Нет. Нечто большее. Священный ужас. Ощущение, что я смотрю не на мираж, не на сон, а на древнюю память. На истину, спрятанную за пределами разума.

Резкий крик пронзил тишину — и я вздрогнула, будто в позвоночник вонзили иглу. Видение рассыпалось, оставив во рту привкус пепла и жгучую боль в ступнях. Тело замерло, словно вросло в холодный пол. Ноги не слушались, дыхание перехватило. Легкие судорожно ловили воздух корабля — холодный, стерильный, чуждый после раскаленного дыхания пустыни. Я стояла, как статуя. Остатки видения наложились на реальность, создавая жуткий калейдоскоп.

Реальность взорвалась хаосом — глухие звуки борьбы, грохот металла, прерывистые выкрики слились в какофонию ужаса, и каждый звук впивался в сознание ледяными когтями. Где-то вдалеке раздались выстрелы — негромкие, приглушённые, будто пули рвали не воздух, а саму ткань реальности. Этот глухой треск был страшнее любого грома, потому что не предупреждал — он констатировал: смерть уже работала, механично, без пауз, без жалости. Каждый выстрел ударял в грудную клетку, сбивая сердце с ритма, заставляя его дрожать где-то у диафрагмы, а в голове метались острые, как осколки, мысли: кто стрелял? Дмитрий? В кого?

Я рванулась вперед и оказалась в лабораторной секции. Освещение включилось не полностью — одни углы утопали в вязкой тьме, другие едва освещались мерцающими панелями, будто и они боялись взглянуть на то, что прячется здесь, а само мерцание напоминало агонию системы.

Поворачивая голову, я увидела *Его*...

На другой стороне лаборатории, прямо за заляпанными кровью окнами, стояло огромное *нечто*. Силуэт в красных разводах... Кровь — густая, свежая, алая в этом неверном освещении, — расплзлась по стеклу и не скрывала, а подчёркивала его присутствие. Он смотрел сквозь неё. Не двигался. Просто... был там. Это осознание леденило душу.

Существо было словно ночной кошмар. Его облик почти человеческий, не поддавался логике. Тело, руки и ноги — бледные, слишком длинные и худые, будто были вытянуты пыткой или жуткой эволюцией. Длинные ладони и пальцы, оканчивающиеся тонкими, прямыми белыми когтями, судорожно подрагивали, готовые отреагировать на любое движение, будто чувствовали моё присутствие. За спиной были грозно полуоткрыты два огромных чёрных крыла из широких перьев.

Лицо... если это вообще можно было назвать лицом, — белое, почти мраморное, с приплюснутым носом и без единого проблеска эмоций. Гладкая кожа, лишённая волос, лоснилась в полумраке, будто покрытая тонкой плёнкой влаги. По ней тянулись брызги крови, словно кисть безумца про-

шла по камню. Красное на белом выглядело кошунственно, как знак жертвоприношения, как память о чужой боли. В воздухе стоял слабый металлический запах, и от него першило в горле. Всё это я уловила в одно дыхание, не успев понять, что вижу, — только завораживающий, бездонный взгляд успел сомкнуться на мне, холодный и всепоглощающий, как притяжение бездны.

Его глаза...

Они были чернее самой Вселенной. Они будто светились невозможным чёрным светом. Без белков или зрачков. Без отражений. Просто две бездонные черные дыры, втягивающие свет и смысл. Никакой жизни — только пустота. Они поглощали свет. Поглощали жизнь. Поглощали меня. Взгляд его был физическим давлением, гипнотическим крюком, впивающимся прямо в мозг, высасывающим волю.

На мгновение всё вокруг исчезло — только мы двое, разделённые бронестеклом с полосой крови. Существо смотрело прямо в меня, не на меня, а именно внутрь. Как будто читало мои мысли, видело мои страхи, знало, как я дышу, как стучит моё сердце...

«Он видит... Он все знает...» — тоненько выла в голове паническая мысль.

А потом он двинулся. В том что это именно *он* — самец, охотник, мужская особь, я была твёрдо убеждена.

Без рывков и лишних движений. Спокойно и плавно. Не разрывая магию взгляда. С агрессивной уверенностью хищника, который знает — тебе не убежать. Его ноги, слишком длинные, ступали по полу бесшумно. Светлый силуэт двинулся в мою сторону, и казалось сам воздух стал холоднее, тяжелее, гуще. Тени от крыльев за его спиной сгущались и шевелились, как живые.

Моё сердце пропустило удар. Затем другой. Оно замерло где-то в горле, крошечным, перепуганным зверьком. Я не

чувствовала тело. Оно стало ватным, чужим. Только дикий, первобытный ужас, что медленно завладевал каждым нервом, парализуя, превращая в идеальную жертву.

Существо подошло к стеклу вплотную. Медленно подняло руку и коснулось поверхности пальцами. На мгновение воздух будто застыл, а потом — резкий белый всполох. Многослойное бронестекло, усиленное полимерной плёнкой, не выдержало. Ослепительно вспыхнуло мириадами искр, словно взорвалась звезда, и с глухим, вязким звуком осыпалось на пол, ковром из тысяч сверкающих кристаллов.

Я бы, наверное, так и стояла, замороженно глядя на чудовище, если бы чья-то рука не сомкнулась на моих губах, приглушив вскрик, и не потащила в сторону. Меня рывком втянули в тень, в тесную кладовку, где пахло пластиком, металлом и чем-то кислым. В тот же миг мелькнула белая тень, скользнувшая по коридору, и воздух вокруг словно дрогнул, исказился, как будто само пространство не выдерживало её присутствия. Наступила тишина — плотная, настороженная, тишина зверя, затаившегося в ожидании.

Дмитрий, тяжело дыша, подвинул к захлопнутой двери тяжёлый металлический стол и навалился на него всем телом. Пот стекал по его вискам, дыхание свистело в пересохшем горле. Его глаза метались, будто искали спасение на пустых стенах. В них читался не просто страх, а паническое, животное отчаяние. Знание, которое он нес, стало невыносимой ношей перед лицом этого ужаса.

— Что же делать... что же... де-е-е-ла-а-ать... — просто-нап он, словно звук с трудом пробивался сквозь панику. Его голос дрожал и в нём читалась безысходность.

Моё горло сдавило ужасом, как в тисках. Колючий комок подступил так близко, что вот-вот вырвется рыданием или криком. Меня било мелкой дрожью, пальцы были ледяными. Я судорожно сжала их, впиваясь ногтями в ладони, пытаюсь ощутить хоть что-то реальное, но и они казались чужими. В голове — пустота и крик. Один сплошной, немой вопль ужаса. Что я только что видела? Это — не человек. Существо, как будто вырвавшееся из кошмара, который слишком реален. И он здесь.

Он убил кого-то. Я слышала... крики. Короткие, пронзительные, наполненные тем ужасом, от которого седеют волосы. Эхо этих криков всё еще звенело в ушах. А потом — выстрелы. Быстрые, панические. Следом — глухая тишина.

Я зажала рот руками, пытаюсь унять всхлипывания, вырывающиеся из груди. Слезы катились по щекам, горячие, отчаянные. Боль, страх и непонимание клубились внутри, как пламя, выжигающее последние остатки разума. Что здесь происходит?

Время в этом тёмном чулане растянулось. Каждая секунда была вечностью, наполненной свистом собственного дыхания, грохотом сердца в ушах и леденящим душу ожиданием.

Скрежет когтей по металлу, глухой удар в дверь... не

очень сильный... проверочный?..

Ноги сами подогнулись и я заскользила спиной по стене. Подбородок уткнулся в колени, а руки обхватили голову в слабой попытке защитить себя. Рядом, в такой же позе оказался Дмитрий. Мы сидели там, затихшие, как мышцы в логове чудовища. И только когда шум в коридоре затих, не сменившись новыми ужасами, а просто... прекратился, как будто чудовище насытилось нашим страхом или потеряло интерес, я решила.

— Что это за... существо? — шёпот сорвался с моих губ. Я чувствовала, как голос дрожит. Слова казались чужими, опасными в этой тишине. Я машинально начала покусывать губы, как в детстве, когда боялась.

Дмитрий ответил не сразу. Его взгляд всё ещё был прикован к своему бейджу, сжатому в ладонях, как молитвенный камень. Пластик трещал под давлением его пальцев. Потом — тихо, едва слышно:

— Экзилиптерус Акус. Коротко — ЭкзА.

— Что, простите? — мой шепот сорвался, став чуть громче, и я тут же замерла, прислушиваясь к тишине за дверью. Ничего.

Он, наконец, повернул ко мне лицо. Тени под глазами, морщины — как трещины на высохшей земле. Видно было как Дмитрий мучительно борется с собой, решая что можно рассказать. Он заговорил сбивчиво, не громко, но в каждом слове чувствовалась отточенная до боли осторожность:

— Он не должен был проснуться раньше, чем мы доставим его на планету... Мы нарушили протокол... Разбудили Дьявола в пути...

Глубоко внутри меня что-то дрогнуло. Эти слова — они звучали не как слова ученого. И при этом в них было больше, чем просто информация. Слова несли в себе страх, сожаление... и вину. Тяжелую, гнетущую вину.

— В прошлой экспедиции, когда мы впервые обнаружили их вид, исследовательская группа попыталась установить контакт, к которому мы абсолютно не были готовы, — продолжал Дмитрий, голос его стал монотонным, как будто он произносил заученный доклад перед трибуналом, но дрожь в руках выдавала волнение, — они не проявляли агрессии, были осторожны и терпеливы, даже дружелюбны в своем роде... отвечали на попытки общения, но их язык, да и способ общения остались для нас загадкой...

Молчание. Только этот взгляд пустой и тревожный.

— И мы не нашли иного выхода, как поймать одного из них и ввести в анабиоз... для изучения, — продолжил он. — Мы доставили его в лабораторию корабля. Как образец. Как ответ на все наши вопросы.

Он устало потёр переносицу, пальцы дрожали. В его голосе чувствовалось, как он сам ненавидит то, что рассказывает. Ненавидит себя, корпорацию и всю эту авантюру.

— Первые разумные гуманоидного типа которых мы обнаружили. У нас на 95% совпадающие геномы. Но у наших

цивилизаций абсолютно разные пути, мы развивали технологии, а они что-то иное. Мы хотели понять, сможем ли мы шагнуть за пределы нашей эволюции, выжить в тех же условиях, что и они. Мы искали путь... колонизации этого мира... адаптации человека к условиям этого места. Места, где мог бы жить человек. Но... — он замолчал, словно проглотившая последние слова. Было слышно как горло его сжал спазм, — на планете начался настоящий ад. Из той экспедиции почти никто не вернулся. Корабль стартовал без шаттлов... почти без подготовки... Записи оказались повреждены. «Повреждены» — очень удобное слово для корпорации... оно снимает все вопросы и решает все проблемы... почти все. — кривая улыбка, скорее даже извиняющаяся исказила его лицо.

— Так у нас оказался этот ЭкЗА, и полная свобода действий, ведь о нем никто не знал... так начались два года напряженных исследований... пять научных групп работали в разных направлениях, проверяли самые смелые гипотезы, а результаты сводили в единую базу, которую обрабатывал корабельный вычислитель... но ответ нашел я! Не бездушная железяка, а я! — его голос постепенно становился всё громче, глаза лихорадочно блестели, а на щеках появился нездоровый румянец.

— Остался только я... вся группа лежит там, в лаборатории... Ты должна!.. Не верь никому!.. Не бросай эксперимент! — горячо затараторил Дмитрий развернувшись ко мне

всем телом и хватая за левую руку, — корпорация всё знает, но не поможет. Нас уже стёрли, как и две предыдущие экспедиции. Планета наш шанс, а ЭкзА — пропуск. Без него не получится!.. что же делать?.. как вернуть?.. — его голос снова упал до едва различимого шепота, тело обмякло снова привалившись к стене, а глаза смотрели в пространство не моргая, — я один знаю... риск слишком велик... нужен резерв... — он резко повернулся ко мне всем корпусом, схватил за руку и затараторил скороговоркой, — мы погрузились на корабль когда все уже были в гибернации. Вычислитель корабля получил императив от корпорации прервать подготовку к прыжку и принять на борт дополнительный груз. Императив понимаешь. Наш эксперимент стал высшим приоритетом. ЭкзА погрузили прямо в лабораторию в его криокапсуле. Спящего. Части экипажа, заранее отобранном и проверенным на совместимость с препаратами из генома ЭкзА, мы ввели сыворотку... прямо через систему жизнеобеспечения криокапсул... подло, да, я знаю, знаю... а потом, прямо перед гибернацией, я ввел концентрат себе... Да! Нарушение всех правил, знаю, но я не мог поступить иначе! Понимаешь? — Дмитрий почти кричал, лицо его было искажено странной гримасой вины и ликования одновременно.

Я слушала его, затаив дыхание. Каждая фраза рассказа была по сознанию, как молот, выковывая ужасную картину. Дмитрий резко замолчал, глядя вверх и потрясывая сжатыми кулаками над головой. Я подумала что пришло время для

главного вопроса. Вопросы, ради которого я и рвалась в эту тьму.

— А мой отец... — слова сорвались сами собой. Голос был тихим, но в нем звенела вся боль потери, вся надежда, вся леденящая душу догадка, — он был в той экспедиции?

Ответа не последовало. Тишина в кладовке стала густой, как смола. Дмитрий только опустил глаза, уклоняясь от взгляда и в этом молчании было больше правды, чем я была готова услышать.

Отец...

Глава 5: Мост или клин

Кассандра

Дмитрий первым поднялся с пола. Осторожно выглянул — за дверью никого. Только пустой, тёмный коридор.

— Нам нужно идти, — сказал он глухо, и прикоснулся к моему плечу. — В глубь лаборатории. Туда, где *он* был в гилбернации. Там есть... кое-что, что может нам помочь.

— Оружие?

Он покачал головой.

— Не совсем. Но оно может его остановить.

Я кивнула, запахивая куртку сильнее. словно она могла защитить от увиденного. В окне лаборатории зияла дыра. Сердце сжалось. Если даже бронестекло не сдержало этого существа — что тогда сможем мы?

Я не видела его снова, но... чувствовала. Как будто он оставил за собой нечто большее, чем просто ужас — ощущение, что за тобой наблюдают, даже если рядом никого нет.

Свет в коридоре моргал, будто не мог определиться: гаснуть или остаться включённым. Тени на стенах двигались — медленно, сливаясь с мраком. Всё вокруг казалось нереальным. Или, наоборот, слишком настоящим.

Мы вышли из кладовки и медленно двинулись по коридо-

ру. Каждый шаг отдавался гулом, будто корабль слушал нас. Напряжение росло с каждым движением, воздух становился плотнее, словно сопротивлялся. В голове метались мысли: *что, если оно направилось к мостику? А если там — остальные?*

Я скользнула взглядом по Дмитрию: сжатая челюсть, неподвижное лицо, глаза, устремлённые вперёд. Он думал о том же или его терзало что-то иное?

Впереди тянулась неизвестность — глубокая, чёрная, как пасть дракона. И с каждой секундой она раскрывалась всё шире.

— — — — —

Дойдя до двери центральной лаборатории, Дмитрий молча приложил пропуск к сканеру. Раздалось мягкое гудение, массивная дверь дрогнула, и, с лёгким щелчком, ушла в стену. В лицо хлынул резкий, почти ледяной свет.

Лампы вспыхнули одна за другой, заливая помещение стерильным белым сиянием. Стены, столы, автодок, криокапсулы, пол — всё, что должно было сверкать стерильной чистотой, оказалось разгромлено.

На полу лежали трое. Их тела... — или то, что от них осталось — были изуродованы до такой степени, что напоминали детали механических кукол, раскиданные капризным ребёнком по всему полу. Кровь уже успела схватиться чёрно-багровой коркой. Лица словно маски ужаса. Глаза широко открыты, бессмысленно глядят в потолок. Застывшие в вопле

ужаса рты, говорили о трагедии больше всяких слов.

Я зажала рот рукой, стараясь не закричать. Внутри всё сжималось. Это не могло быть разумное существо. Ни один разумный не способен на такую жестокость... с такой бесстрастной, точной яростью.

— Не смотри, — глухо произнёс Дмитрий, уже у мониторов.

Он словно отключился от происходящего. Пальцы быстро бегали по сенсорной панели, вызывая записи, анализируя данные. Как будто это была не бойня, а всего лишь сбой в системе, который надо срочно исправить.

Через минуту он вывел на экран последнее видео.

На нём — три исследователя. Живые, сосредоточенные. Метка времени — два часа назад. Примерно тогда, когда я открыла глаза.

Они окружали криокамеру. Внутри — тень. Существо. Нечто не до конца различимое сквозь плотную, запотевшую бронекрышку. Один из учёных надел манипуляционные перчатки и осторожно подключал какие-то провода к датчикам. Второй следил за показаниями приборов. Третий вводил команды в интерфейс консоли.

— Запись 182, — раздался голос с видео. — Объект стабилен. Пульс учащён — возможная реакция на систему «Новэлия» или побочное действие сыворотки. Через месяц...

Голос оборвался. Фигура внутри криокамеры дёрнулась.

— Он просыпается! — крикнул кто-то на записи.

Тревожный сигнал прервал видео — такой, что даже на записи он казался слишком громким. Учёные бросились к стеллажам, и камера фиксировала паническое движение: кто-то роняет кейс, кто-то лезет в стол.

Я невольно посмотрела в сторону той стены лаборатории — там, где раньше стояли стеллажи. Сейчас — лишь хаос. Контейнеры разбиты, ящики перевёрнуты. Ничего не уцелело.

На видео один из учёных уже стоял у капсулы с продолговатой коробкой. Он отчаянно пытался ввести инъекцию — видимо, успокоитель или блокатор активности. Но в этот момент... всё изменилось.

Внутри капсулы вспыхнули глаза.

Чёрные. Без света. Без дна. Будто в криокамере открылась чёрная дыра. И через секунду крышка с грохотом слетела с петель.

На записи существо предстало в совершенно ином свете. Его силуэт был пугающе прекрасным — почти ангельским, но всё же нет. Худощавое, грациозное, как статуя, выточенная из чуждого бледного камня, с удлиненными чертами и странной гармонией в линиях. Оно возвышалось над людьми, будто пришедшее из других времён — или миров.

Огромные миндалевидные глаза, наполненные бесшумной тьмой, притягивали взгляд. В этих глазах не было агрессии — лишь непонятная глубина, в которую так легко было бы утонуть. Приплюснутый нос, тонкие губы — почти эле-

гантная маска. На спине — плотно сложенные чёрные крылья, как у древнего, уже забытого всеми божества, пробуждённого от тысячелетнего сна.

Один из учёных подбежал. Его движения были торопливыми и нервными. Но существо среагировало молниеносно.

Из его пальцев выдвинулись тонкие, острые костяные когти. Один взмах рук — и учёный, словно разорванная тряпичная кукла, полетел в витрину, разметав осколки стекла по всей лаборатории. Резкий звук разлётающихся обломков эхом прошёлся по коридорам.

Дальше — чёрная вспышка развернувшихся крыльев и начался полнейший хаос. Существо двигалось с неестественной скоростью, и каждое его движение было не импульсивным — оно казалась выверенным с ювелирной точностью.

Лаборатория превращалась в поле битвы — искры, разорванные панели, разбитые экраны. Я отвела взгляд, не в силах смотреть, как всё рушится. Леденящий ужас пробрался внутрь, но не парализовал — наоборот, толкнул к действию. Я метнулась к ближайшему уцелевшему стеллажу в поисках чего-нибудь — хоть чего-нибудь, что могло бы дать нам шанс в случае возвращения чудовища.

Пока я разбирала обломки и осколки, острый край пластиковой панели полоснул по ладони. Я даже не сразу заметила — боли не было. Только капля крови, медленно стекающая вниз, тёплая и реальная. В этом хрупком моменте я словно вспомнила, что всё ещё жива.

— Он должен был стать мостом, — тихо сказал Дмитрий, не отрывая взгляда от мерцающего экрана. — Не чудовищем. Я должен был доставить его целым. Вернуть домой. И он мог стать проводником и пропуском...

В его голосе звучала усталость. Горечь. Как будто всё это уже происходило однажды.

Его слова повисли в воздухе, словно немой упрек судьбе, подчёркивая всю глубину неудачи. Затем он подошёл к аптечке, схватил всё необходимое для перевязки моей раны на руке и, лишь наложив нанопласт, снова посмотрел на меня.

— Никто не должен был погибнуть. За ним не наблюдалось агрессии, — сказал Дмитрий, глядя в пустоту, будто убеждая не только меня, но и самого себя.

— Что за жидкость ему пытались ввести? — мой голос дрогнул, почти растворяясь в холодном воздухе лаборатории.

— Это ингибитор. Он подавлял его физиологические функции. Их кожа прочна, просто так их не ранить. Нам нужен был ключ — к адаптации, к выживанию. Его геном... мог стать основой нового пути развития человеческой цивилизации, скачком через тысячи лет, за грань эволюции. Шансом на выживание на Альтерре.

До меня вдруг дошло — они видели в нём не разум, а только образец генома. Инструмент. Подопытную тень от целого мира. А теперь он восстал.

Картина начала складываться. Наше пробуждение... его

пробуждение... всё совпало слишком точно. Я почувствовала, как внутри меня поднимается тревога, то самое липкое предчувствие, которое появляется за мгновение до жесткой и неприятной правды.

Я уставилась на Дмитрия, глаза округлились от осознания.

— Вы говорили об экспериментах, — голос мой почти сорвался — поэтому мы проснулись?

Он замер. В его лице застыла тень вины, а в тишине повисла тяжелая пауза. Казалось, она длится целую вечность, прежде чем он наконец произнёс:

— Возможно, эксперимент активировал не только его, но и некоторых из испытуемых.

Эти слова упали в пространство между нами, как трещина, пробежавшая по стеклу. Не громко, но необратимо.

Я почувствовала, как холод сковывает спину. Мы не случайно разбуженные члены экипажа! Мы детали эксперимента, испытания, тщательно выверенного сценария.

Но какой в этом смысл теперь, если всё рухнет? Если существо, пробуждённое нами, стало не мостом, а клином, раскалывающим реальность пополам?

Глава 6: Ингибитор

Кассандра

Нам удалось обнаружить один уцелевший шприц с ингибитором — он лежал под грудой искореженного металла и осколков, затерянный среди обломков мира, к которому я уже не принадлежала. Дмитрий осторожно поднял её, держа, как хрупкий артефакт. Жидкость внутри поблёскивала холодным перламутром. Он начал говорить, объясняя состав, принцип действия, последствия применения...

Но я была не здесь и не с ним.

Моё сознание блуждало, словно пыль, рассеянная по пустым коридорам корабля. Я чувствовала не страх. Не панику. А что-то иное. Зов. Существо — ЭкзА. Оно не просто где-то рядом. Оно чувствовало нас — а мы его. Связь не была односторонней. Неизъяснимое, первозданное влечение, будто внутри меня отозвалось то, чего ранее не было.

В голове роились вопросы — неоформившиеся, туманные. Мысли, как призрачные фрагменты сна, ускользали до того, как я успевала их осознать.

— Ты меня слушаешь?

Голос Дмитрия вырвал меня из погружение в это нечто. Я моргнула, осознав, что стою слишком долго, пальцы сжаты

в кулак, ногти впиваются в ладонь. Он смотрел с лёгкой настороженностью. В его руке — всё та же колба с вакциной, мерцающая зловещим отблеском под дрожащим светом.

Я встретилась с ним взглядом. И вдруг увидела — в нём нет паники. Он был спокоен. Слишком спокоен.

— Какие побочные эффекты наблюдаются у испытуемых? — спросила я настраиваясь на принятие информации.

— Мы выделили два стабильно активных компонента из материалов ЭкЗА: матрица «спящих» генов и стволовые клетки. Кровь — адаптивная, она легче подстраивается у всех испытуемых. Стимуляцию регенерации костной ткани мы применяли только к бойцам десантного отряда. У ЭкЗА регенерация очень высокая. Режешь — зарастает без шрама. Отрезаешь — вырастает вновь. Ломаешь — срастается и становится ещё прочнее. Как и у всех свободно летающих у них трубчатые кости, только усиленные сетью из органических волокон внутри костной матрицы. Они прочнее и легче чем у нас. Кстати, когти у них очень прочные, острые и выдвигаются прямо из трубчатых костей последних фаланг пальцев — прямо как лезвие выкидного ножа. Особые мышцы выбрасывают их мгновенно. Да и благодаря каскадной микроструктуре мышц он обладает вдвое большей удельной мощностью, они сокращаются и расслабляются быстрее наших. Так что, не смотря на свои размеры, силищи на троих десантников хватит. Поэтому... — он на мгновение запнулся, — мы не сочли нужным ликвидировать его. Он идеален.

Бесконечный донор материала для исследований.

Дмитрий сел, перевернув ближайший стул. Впервые за всё время в его голосе появилась неуверенность:

— У половины испытуемых реакции не было вообще. Организм не воспринимал препарат и просто выводил как отходы. У остальных вместе с перестройкой костно-мышечного аппарата начал меняться и геном... Непредсказуемо... Мутации шли волнами.

— Мы должны были проснуться уже у планеты, — сказал он после короткой паузы, — мутация должна была пройти на фоне естественной адаптации к новой среде. А сейчас мы — незавершённые. Всё ещё в процессе...

Он поднял глаза — усталые, покрасневшие.

— У меня информация только частичная. Все данные в вычислителе, а часть информации мы не успели зафиксировать. Но ты должна понимать: никто из нас не случайно проснулся. Ни ты. Ни я.

В тишине лаборатории слова Дмитрия эхом разносились среди хаоса погрома. Я невольно задалась вопросом: что, если эксперимент уже вышел из-под контроля? Если мутации, казавшиеся нам инструментом выживания, могут обернуться непредсказуемыми последствиями?

Он поднял на меня взгляд — напряжённый, полный слов, застрявших в горле. Казалось, он вот-вот скажет что-то важное.

За дверью послышались шаги.

Звук был неясным, приглушённым. Мы застыли, обменявшись взглядами. В глазах отражалось одно: молчи. Не шевелись.

Я медленно двинулась к столу, скользя взглядом по осколкам, обломкам и искривлённым деталям техники. Ни одного подходящего предмета — ничего, что можно было бы использовать как оружие. Битые колбы, платы — мёртвые следы некогда научного мира.

Звук стал громче. Чётче. Ритм сливался с моим дыханием. Силуэт, появившийся за матовым стеклом двери, казался почти иллюзией. Всё вокруг словно утратило плотность.

Дмитрий тут же поднял колбу, отступая на шаг, будто хотел отодвинуть от себя самую возможность неминуемой встречи с объектом испытаний. Я последовала за ним почти машинально, ища хоть какой-то путь к спасению.

С одной стороны, я понимала: без этой вакцины нам не выжить. С другой — как можно верить, что нечто, способное к бесконечной регенерации, вообще может быть убито? Что если это — просто отсрочка неминуемого?

Пока я не знала, во что верить. И потому решила держаться рядом с тем, кто хотя бы делает вид, что знает, что делать дальше.

Мы затаили дыхание, погружённые в липкую тишину. Секунды растягивались, и в их зыбкой бесконечности рождался зловещий шорох. Он словно сочился из самого воздуха — как предчувствие, ставшее телесным. Я краем глаза вновь

взглянула на переломанного лаборанта у стеллажа. Сглотнула. Что-то тягучее и жгучее наполнило грудь — страх, сдавливающий изнутри, как медленно затягивающийся аркан.

Никогда не была верующей. Никогда не молилась. Но теперь, стоя в ожидании неизбежного, почти неосознанно шептала глухой, безмолвной вселенной. Мои молитвы были не от веры, а от отчаяния. От бессильного, яростного желания выжить.

Я не готова была умирать. Не сейчас.

В тот самый миг, когда звуки за дверью стали частью комнаты, меня охватило странное, парадоксальное чувство. Как будто всё это — уже было. Как будто я проживаю сцену, которую когда-то забыла.

Панель замка вспыхнула тусклым, тревожным красным — сигнал доступа. Кто-то, или нечто, пыталось войти.

Медленно повернувшись к двери, я сделала вдох сквозь стиснутые зубы. Почувствовала, как напряжение, сжавшее грудь, отпускает. Глаза предательски наполнились слезами. Я наконец позволила себе отпустить дикое напряжение.

Глава 7: Точка невозврата

Кассандра

Никогда прежде я не была так счастлива увидеть знакомые лица. Первым появился Джеймс, держащий автомат наготове. За ним — Анна, с бластером в руках, настороженно озирающаяся, словно каждая тень могла оказаться ловушкой. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как мы расстались.

— Что здесь, черт возьми, произошло? — спросил Джеймс, сначала бросив взгляд на меня, потом — на Дмитрия, который, так же как и я, выдохнул с облегчением от их появления.

— Как хорошо, что вы целы... а где инженер? — перебил седовласый учёный, явно не желая отвечать на предыдущий вопрос.

— Не приближайся! — рявкнул Джеймс, тут же вскидывая оружие и наводя автомат на Дмитрия. Ему было тяжело отвести взгляд от кровавого месива, которое было за нами, но он пытался.

— Это не мы... — начала я, но не успела договорить.

— Не нужно лишнего шума, — спокойно вмешался Дмитрий, — мы одна команда и все здесь за одно. Я расскажу.

Он коротко изложил суть: контакт с существом, гибель членов команды, путь до главной лаборатории, лабораторная криокапсула — и запись, демонстрирующая нового обитателя корабля. О деталях экспериментов он умолчал, а я не стала его выдавать. Мы и так балансировали на грани — не хватало только паники.

Как и мне, он рассказал остальным, что существо должно было стать «билетом» к новой планете.

— Он всё ещё на свободе, — добавил Дмитрий, с осторожностью выкладывая десантную аптечку на стол, — мы должны попытаться его ослабить этим ингибитором и изолировать. В самом крайнем случае — убить.

Он посмотрел на Анну, всё это время молчаливую и напряжённую, а затем, с ноткой раздражения, продолжил:

— Я готов рассказать больше. Но у нас мало времени. Оно может добраться до других пробудившихся. Если вы не против...

— Если это существо угрожает нам всем, мы обязаны его устранить, — перебил Джеймс с жёсткостью в голосе.

Комната словно сжалась от накатившего напряжения. Свет мигающих панелей отбрасывал зыбкие тени на пол, где между искорёженными кусками техники и перевёрнутыми стульями лежали ответы.

Запись, которую Дмитрий только что включил, всё ещё мелькала на экране, показывая смутные силуэты и расплывчатые, зловещие движения.

— Содержимое колбы временно замедлит и ослабит его. Это даст нам шанс на нейтрализацию, — сказал учёный с горечью, — но другого шанса нет. Всё разбилось. Мы больше не сможем синтезировать новый ингибитор — ни времени, ни ресурсов не осталось.

Он тяжело вздохнул, будто впервые по-настоящему осознал, насколько близко мы подошли к краю пропасти.

Внезапно Джеймс напрягся, будто вспомнив что-то важное.

— Мы же оставили Адама, — пробормотал он и, вскинув оружие, решительно направился к выходу — он вскрывал проход в первый отсек.

Дверь лаборатории распахнулась с тихим шипением. Солдат обернулся и резко бросил через плечо, взглядом подгоняя нас:

— Пошли. Быстро.

Мы двинулись вслед, и лишь когда миновали первый поворот, я решила нарушить тишину:

— Проход на мостик только один?

— Есть развилка, — ответил Джеймс, не сбавляя шага, — но коридор один и тот же. Нам просто повезло, что мы не пересеклись с этим пернатым.

Дополнительного оружия у них не было, зато теперь в наших руках хотя бы что-то. Этого уже хватало, чтобы появилась надежда. В оружейной, как они сказали, отсутствовали несколько единиц — возможно, кто-то забрал их и ушёл в

первый блок. Или стрельба, которую мы слышали ранее, шла только в лаборатории. Пока неясно.

Дорога до развилки заняла больше времени, чем хотелось. Никто не говорил — напряжение сжимало горло, шаги отдавались глухим эхом по металлическому полу. Я шла последней, замыкая наш небольшой отряд, и пыталась вспомнить путь, по которому сюда попала. О «видении» я молчала, хотя оно продолжало гудеть в памяти, как забытый тревожный сигнал. Надеюсь, это всего лишь побочный эффект трансформации. Надеюсь, на этом все.

Металлический скрежет нарушил тишину, заставив всех мгновенно остановиться. Звук донесся с того направления, куда мы шли. Сердце сжалось.

— Это может быть Адам, — прошептала Анна, сильнее сжимая оружие, — или...

Она не договорила, но мы и так поняли. Существо могло быть рядом. Все переглянулись, и мы продолжили путь, двигаясь почти бесшумно. Металл под ногами предательски звенел, но каждый старался ступать как можно мягче.

Когда мы подошли к развилке, послышались приглушённые голоса и звуки прилагаемых усилий — глухие удары, будто кто-то боролся с заевшей дверью. Джеймс осторожно выглянул из-за угла.

— Адам... — прошептал он.

У двери действительно стояли Адам и ещё двое. Они пытались вскрыть проход, и, заметив нас, подали знак, что путь

свободен.

Мы поспешили к выжившим.

— Хорошо, что вы пришли. Мы тут дверь почти открыли,
— сказал Адам.

Мужчины усилили нажим, и дверь нехотя поддалась, открыв узкую щель — достаточную, чтобы один за другим протиснуться внутрь, как это уже было с первой вскрытой дверью. С той стороны нам помогали: солдат и человек в синем комбинезоне — кто-то из офицеров корабля, судя по форме. Нам было не до разговоров. Все стремились выбраться из второго отсека как можно скорее.

Анну пропустили первой. За ней — Адам. Изнутри им помогали, подхватывая под руки и подтягивая. Когда пришла очередь Дмитрия, он был примерно на середине, вдруг внезапно остановился и обернулся.

До меня дошло сразу, что именно он увидел.

Его лицо вдруг стало белее мела, глаза распахнулись, словно он не верил в то, что перед ним. Проследив за его взглядом — я застыла.

Существо.

Оно стояло неподвижно метрах в ста от нас, высокое, слишком худое, почти касающееся головой потолка. Крыльев не было видно. Когтей тоже не было, руки — тонкие и длинные. Лицо — пустое, словно маска. Спокойное, холодное. Оно смотрело прямо на нас черными глубокими глазами.

И всё его тело было перепачкано кровью.

Мы замерли, осознавая, что столкнулись с неизвестным и, крайне опасным существом. Время словно остановилось, каждый из нас понял, что пора поторопится, если не хочется оставаться по одну сторону с потенциальным убийцей.

Проталкивая Дмитрия с нашей стороны, я попыталась пролезть в образовавшийся проход. Из-за спешки его ботинок застрял между створками двери. С той стороны его уже тащили под руки, стараясь освободить место. Я почти проскользнула внутрь, когда за спиной раздался резкий голос и щелчок затвора.

— А ну, стоять! — выкрикнул Джеймс, обращаясь к существу, которое сделало первый шаг в нашу сторону. Несмотря на твёрдую хватку на оружии, капли пота на лбу выдавали напряжение, — можете поторопиться?

С усилием, не без помощи, учёного удалось вытянуть внутрь. Я тут же упала на колени, пролезая следом. Только я успела повернула голову в сторону коридора — как раздался первый выстрел.

Существо метнулось вперёд. Чёрные вспышки взмахов крыльев в разных точках коридора, рывок, свист кожи на стальном полу. С неестественной, нечеловеческой скоростью существо преодолеvalo разделявшее нас расстояние. Уловить его движение было почти невозможно — оно словно перескакивало из точки в точку, не затрагивая пространство между.

Пули из автомата задевали его, но причиняли лишь поверхностные раны — тонкие царапины, едва ли затормаживающие бег. Из пальцев существа тут же выросли острые, словно скальпели, когти. Он потянулся ими к солдату оставшемуся последним у двери.

— Твою мать! — выругался тот и кинулся в проход. Просунув ногу внутрь, он протянул автомат второму солдату, который тут же перехватил его и начал стрелять в щель над головой. До полного спасения оставалось всего несколько секунд, как вдруг из-за двери вынырнула белая рука и когти впились в ногу солдата.

Раздался сдавленный крик боли. Мужчина попытался ударить существо свободной рукой, но когти острые, как иглы, — протыкали плоть, как будто нога была не более чем плюшевая игрушка.

И тут в эту светлую опасную руку вонзился шприц с ингибитором. Дмитрий, не теряя ни секунды, вдавил половину содержимого под кожу существа. Когти резко разжались, из ноги солдата брызнула алая кровь, а существо отшатнулось, прячась от пуль.

Я успела заметить, как на его скуле остался рубец от попадания. Он закрылся крыльями, словно в панике. Двое мужчин тут же с обеих сторон налегли на дверь, и с глухим скрежетом единственный проход закрылся. Металл сомкнулся, и только тогда мы смогли сделать первый глубокий выдох.

Холодный ужас, что держал нас в своих когтях, начал

ослабевать.

Анна бросилась к аптечке, на ходу доставая нужные инструменты, и склонилась над раненым. Быстро разрезав штанину до колена, она обнаружила ужасную картину — глубокие рваные раны, кровь текла, как из пробитого резервуара.

Без лишних слов она наложила жгут выше повреждения, ввела обезболивающее, и, осмотрев, тяжело вздохнула:

— Порваны связки, закрытый перелом. Его нужно срочно доставить в автодок. Если не успеем — он умрёт от потери крови.

Пока остальные в спешке готовились к выходу, я на мгновение замерла у двери. Всё внутри этого помещения уже дышало смертью. Пол был залит алым, воздух — пропитан гарью от оружия и страхом.

Сквозь узкое обзорное окно я ещё раз взглянула назад. Существо стояло там, где мы его оставили. Его крылья были взъерошены — некоторые пули всё-таки достигли цели. Когти втягивались обратно в пальцы, тело было покрыто кровавыми отметинами.

Хотя на его лице не было ни бровей, ни проявлений обычной мимики, я ощутила, как его мышцы сжались. Будто оно испытывало... боль. Или ярость. Его черные глаза — без зрачков и белков — продолжали смотреть в нашу сторону. Не приближаясь. Не отступая.

И когда мы уходили, оно всё ещё стояло там. Смотрело и ждало.

Глава 8: Порог истины

Кассандра

Корабль был оборудован таким образом, что в каждом отсеке находились модули экстренной медицинской помощи. Основной операционный блок располагался рядом с лабораториями, но на случай непредвиденных ситуаций каждая секция включала компактный автодок. Здесь, под холодным светом неоновых ламп, стоял операционный стол, рядом — шкафы с инструментами, вычислительная консоль и экраны наружных визоров, на которых вселенная казалась далекой, почти иллюзорной.

Медик сразу приступила к своим делам. Уверенно и без лишних движений она собрала необходимые инструменты: стерильные иглы, хирургические нити, антисептики и всё остальное, что было нужно для оказания помощи в условиях ограниченного инвентаря. Попросив остальных покинуть отсек, чтобы обеспечить покой солдату и возможность сосредоточиться, она осталась с Дмитрием.

Мы ждали у двери, словно охраняя вход в мир между жизнью и смертью. Напряжение висело в воздухе, густое, как туман. О случившемся не говорили, словно боялись вновь пережить свои эмоции от встречи или накликать новое столк-

новение.

Адам опустился на холодный металлический пол, сжав голову руками. Он ерошил волосы, будто пытаясь не дать мыслям вырваться наружу. Его и без того нахмуренные брови теперь сошлись в одну грозную линию.

Я воспользовалась моментом, чтобы получше рассмотреть наших новых спутников — тех, кто до этого оставался в тени.

Второй солдат был ниже Джеймса, зато шире в плечах — настоящий человек-крепость. Рыжие, взъерошенные волосы, небритое лицо и мощные мышцы придавали ему вид бывалого охотника. Но стоило встретиться с его серыми глазами — и всё менялось: в них было тепло, спокойствие, даже что-то защитное. Веснушки на переносице делали выражение почти мальчишеским. Он держал автомат легко, словно это часть его самого. Поймав мой взгляд, мужчина едва заметно улыбнулся — спокойной, уверенной улыбкой человека, для которого опасность — привычное состояние. На его костюме блестел бейдж с именем: Лео Касиди.

А вот второй человек был полной противоположностью Лео. Выше, с когда-то тщательно уложенными тёмными волосами — теперь растрёпанными после всего пережитого — и с холодным, колючим взглядом синих глаз. Острые черты лица придавали ему серьёзность, не свойственную своему возрасту. Он выглядел слишком молодым для командных должностей, но в его осанке чувствовалась уверенность

человека, привыкшего к власти. Каждое движение — выверенное, сдержанное, будто отмеренное внутренним уставом. По синему костюму я поняла, что он из офицеров. Когда он повернулся, свет упал на металлический бейдж на груди, и я успела прочитать имя: Элиас Локвуд.

— Экстренная ситуация вынуждает меня разбудить капитана и ввести его в курс происходящего, — нарушил молчание Элиас после нескольких минут ожидания у двери.

— Поддерживаю. Надо решить как избавиться от этой твари, — отозвался Адам, поднимаясь с пола. Он заглянул в окно импровизированной операционной, пытаясь определить, на каком этапе сейчас находится оказание помощи.

— Тогда не будем терять времени. Пойдём прямо сейчас, — добавил Лео, перекидывая автомат за спину.

Заглянув в медотсек, мы сообщили медику, что направляемся на капитанский мостик, и постараемся вернуться как можно скорее. Если операция завершится раньше — встретимся там.

С новыми спутниками мы отправились к криокамерам первого отсека.

По пути между Адамом и Лео завязался разговор. Я не расслышала, что именно вызвало их смех, но он прозвучал в коридоре неожиданно — как первый лучик света после долгой ночи. Атмосфера немного смягчилась, тревога отпустила на мгновение, и в груди возникла тёплая, почти забытая эмоция — надежда.

В первом отсеке криокамер было меньше, и пробудившихся оказалось всего двое. Элиас подошёл к сенсорному терминалу и ввёл нужную комбинацию. На экране отобразился таймер.

Процесс пробуждения занимал около пяти минут: сначала отключалась система охлаждения, затем в кровь вводилась согревающая жидкость, активирующая внутренние процессы, пока мозг постепенно возвращался к осознанному состоянию.

Пробудился мужчина средних лет, с подтянутым телосложением и светлыми, мокрыми волосами, прилипшими ко лбу. Он медленно выбрался из крио-камеры, опираясь на её края, и устало оглядел нас, пытаясь сфокусировать взгляд тёмных глаз. Я подошла ближе и, как Анна ранее, накинула на его плечи полотенце — чтобы согреть и помочь прийти в себя после долгого сна.

— Элиас Локвуд, ваш первый помощник. Было принято решение вас разбудить, поскольку на борту возникла нештатная ситуация, — уверенно начал Эл, не оставляя сомнений в срочности происходящего.

— Капитан Николас Харпер. Слушаю, — ответил мужчина, садясь на стул у центрального терминала. Он опустил голову, словно позволяя мозгу догнать тело, вынырнувшее из анабиоза.

— Произошло внеплановое пробуждение части персонала в каждом из отсеков, — продолжил Элиас, — по пред-

варительным данным, очнулись около пятнадцати человек. Некоторые — погибли.

Капитан поднял голову. Его взгляд стал острым и сосредоточенным. Мозг начал работать быстрее, оценивая масштаб проблемы. Он молча кивнул, позволяя продолжить.

— Именно по этой причине мы вас и разбудили, — Элиас слегка кивнул в нашу сторону. — На борту было обнаружено гуманоидное существо. Мы считаем, что оно является аборигеном планеты, к которой направлялся корабль. Контакт произошёл несколько часов назад, когда мы вошли в галактику Новэлия.

— Старший лаборант Дмитрий и лаборант Кассандра были первыми, кто столкнулся с ним, — добавил он.

Его взгляд устремился на меня. Взгляд капитана — острый, пристальный — будто обнажал до костей, и я почувствовала, как ладони покрываются липким потом.

— Насколько мне известно, его называют «ЭкзА», — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, — полное биологическое описание может дать Дмитрий, но сейчас он помогает медику — один из солдат серьёзно ранен.

Харпер хмуро кивнул, задумавшись. Его лицо оставалось спокойным, но по сжатым пальцами было видно — он уже выстраивает в голове план действий.

— ЭкзА, — повторил он, будто пробуя название на вкус, — значит, существо с планеты назначения. Как, чёрт возьми, оно оказалось на борту?

— С этим вопросом вам лучше обратиться к Дмитрию, — сказала я, чувствуя, как боль тяжело стучит в висках. — Он, похоже, знает больше всех.

Капитан на мгновение замолчал. Его взгляд был холоден и изучающ — будто он взвешивал каждое моё слово. Затем последовали новые вопросы: может ли тварь проникнуть в отсек? Почему пробуждение прошло избирательно? Кто и зачем заблокировал двери изнутри?

Ответов не было. Только догадки.

— Мы займёмся этим как можно скорее, — сказал Элиас, — я с инженером подниму все записи с камер, чтобы выяснить, кто активировал блокировку.

Элиас и Адам двинулись к мостику — их шаги гулко отдавались по коридору, затихая где-то вдали. Мы же, вместе с Лео и капитаном, направились в сторону импровизированного операционного отсека.

Я чувствовала, как нарастает странное предчувствие. Ответы были близко, я это знала. Но с каждым шагом становилось всё яснее — узнать правду будет куда страшнее, чем оставаться в неведении.

Глава 9: Тот, кто не вернулся

Анна

В медицинском блоке царила тихая, деловая суета. Безукоризненно белое пространство, резко контрастировало с алой кровью, которая вытекала из раны. Перед нами лежал Джеймс — солдат с переломом и рваными ранами на ноге. Кровь уже не вытекала из ран закрытых нанопластом, только алые следы на столе были неммым подтверждением серьезности повреждений. За плечами у меня было несколько операций, но к я ним до сих пор не привыкла. Одно дело когда ты делаешь вакцины, и совсем другое, когда ты режешь по живому или собираешь раздробленную кость, пытаясь спасти жизнь. Ведь никогда не знаешь, что может пойти не так.

С первой встречи с этим солдатом, когда наши взгляды пересеклись в коридоре, я почувствовала странное дежавю — словно я знала его всегда, несмотря на то, мы встретились впервые. С ним я почувствовала себя в безопасности. Это чувство преследовало меня всё время, что мы были рядом. Это подняло из глубин памяти давно забытые воспоминания, напоминая о том, как на моих руках когда-то умирал муж. Вспышки боли и утраты пронзали моё сознание: я помнила, как его лицо бледнело, как его последние слова рас-

творялись в звуках корабельного гудения, а я бессильно пыталась остановить время. Эти образы, как ножи, вонзались в сердце, но сегодня я должна быть сильной — не для себя, а ради жизни Джеймса.

Я прикоснулась к ране, стараясь сдержать дрожь в руках, как будто каждое прикосновение могло бы вновь вызвать ту боль, которая когда-то разрывала моё сердце. Алая кровь, нарушившая безупречную чистоту моих перчаток, становилась напоминанием о жизни, которая висела на волоске. С каждым швом, я пыталась вернуть контроль над ситуацией, погружаясь в ритуал спасения, где на кону стояли не только тело, но и душа человека. Я слышала, как в глубине моего разума раздавались эхо воспоминаний: слова любимого, его безмолвное прощание, и ощущение безвыходности, когда я не смогла ему помочь.

Дмитрий, суетливо готовил инструменты, подавая стерильные зажимы, тампоны и фиксаторы. Его движения были быстрыми и уверенными, хотя я замечала, как его лицо постепенно начинает менять цвет: сначала легкое покраснение, потом обильное потоотделение, а вскоре и недоброе подкашливание. Но я, поглощённая спасением потерявшего сознание Джеймса, почти не обращала на это внимание. Мало ли какая реакция у человека на открытые раны. Его слова, тихие и поспешные, лишь констатировали, что ему срочно нужно уйти. И так, оставив меня одну, Дмитрий исчез в лабиринте коридоров корабля, оставив после себя только

странное чувство тревоги.

Время операции тянулись бесконечно. Я работала, словно в трансе, каждое движение было отточено, словно танец на краю бездны. Джеймс стонал, время от времени содрогаюсь от боли, не смотря на двойную дозу обезболивающего, а я старалась говорить с ним мягким, успокаивающим голосом, обещая, что всё будет хорошо. Но, внутри меня бушевала буря — его боль смешивалась с ощущением нереальности происходящего, а образ моего мужа преследовал меня с каждым новым швом, как будто он вновь был рядом, взывает о помощи, прося не оставлять его.

Наконец, после длительных усилий и тщательной работы, удалось собрать и зафиксировать кость. Облегчённо вздохнув, я позволила себе на мгновение забыть о происходящем. Вновь посмотрела на солдата — его раны под нанопластом и фиксирующей повязкой, теперь уже с первыми признаками заживления, казались неверно мерцающим огоньком надежды в этом крошечном мраке. Но, внутри меня росло ощущение одиночества и бессилия. Я внезапно отловила себя на мысли: «Хватит с меня тех, кто не ценит свою жизнь!». Ведь я была замужем меньше полугода, и с каждым днём мне всё труднее было заштопывать своё разбитое сердце.

Сидя в медицинском блоке отсека, я пыталась зафиксировать в памяти каждый момент, каждый звук, каждое движение происшедшего. Здесь, среди холодных стен космического корабля, я не только пыталась остановить смерть, но

и искала путь к своему спасению, надеясь, что когда-нибудь смогу переступить через черту, которую провела себе сама.

Глава 9: Исчезнувший

Харпер

Мы вошли в медицинский блок отсека, и воздух тут же ударил в нос смесью запахов антисептика и крови. В этой светлой стерильной комнате медик стояла, склонившись над раковиной. Её руки методично двигались под тонкой струёй воды, смывая алую густоту.

Красные нити стекали в слив, изгибаясь, как живые, будто сами хотели, исчезнуть. Шум воды был почти гипнотическим.

На операционном столе автодока, окружённый свернувшимися тёмными пятнами, лежал раненый солдат. Его кожа была бледной, почти прозрачной, как у восковой фигуры. Нога, была плотно забинтована и зафиксирована. Он не шевелился. Только лёгкое, едва заметное движение грудной клетки говорило о том, что жизнь в нём всё ещё теплится.

Девушка заметила нас не сразу. Её плечи дёрнулись, как у человека, внезапно вырванного из мыслей, которые тщательно скрывают от всех.

— Что с ним? — мой голос прозвучал слишком громко.

Медицинский сотрудник опустилась на ближайший стул, словно тело наконец признало усталость, которую до этого

удерживала только воля. Казалось, вместе с последним выбросом адреналина из неё вышла жизнь — осталась лишь пустая оболочка привычных движений. Когда она заговорила, голос звучал ровно, почти безэмоционально, с отрешённостью врача, пережившего слишком многое.

— Кость раздроблена, пять рваных ран на мышцах голени, — начала она, не поднимая взгляда. Как будто она читала отчёт.

— Кость я собрала и зафиксировала, артерию и сухожилие — склеила и зашила, мышцы тоже сшила. Но с большой кровопотерей всё куда хуже. Я сделала переливание кровезаменителя и восстановила давление физраствором, но этого недостаточно, чтобы стабилизировать кровообращение и запустить регенерацию.

Она замолчала, на мгновение закрыв глаза.

— Лучшее решение — переправить его в медицинский блок. В регенерационную капсулу. Она смогла бы ускорить заживление, возможно, даже полностью восстановить ногу. Но второй отсек отрезан. Там заперто... *оно*. И пройти туда сейчас — самоубийство.

Она выдохнула, будто отпуская последние слова вместе с воздухом.

— Здесь мы сделали всё, что могли. Состояние стабильное, но время работает против нас.

Я медленно кивнул, сдерживая раздражение и усталость. В такие моменты нужно было оставаться камнем — пусть

даже внутри всё сжималось от бессилия. Я слишком хорошо знал цену человеческой жизни. Биопечать, регенераторы, универсальные стволовые клетки — всё это звучало прекрасно в инструкциях и отчётах, но здесь, на Эосе, они оставались бесполезными словами, пока по коридорам бродило *ничто*.

— Какие у нас есть альтернативы? — спросил я наконец, хотя уже догадывался, что ответа, который хотел бы услышать, не будет.

— Продолжать лечение здесь. Без автоматических систем. Это займёт больше времени, и да... — она устало провела рукой по лицу, — риск осложнений никуда не исчезает.

— Понятно... — пробормотал я, опуская взгляд. Кажется, если всмотреться достаточно глубоко, можно будет сквозь пол увидеть саму развязку — предстоящие шаги, решения, потери. Но видение не приходило. Только тяжесть.

Я поднял голову, и голос стал тверже, обретая командные интонации:

— Где старший лаборант?

Я сжал кулаки, чувствуя, как всё выходит из под контроля. Закрыв глаза на мгновение — чтобы не дать раздражению вырваться наружу. Затем повернулся к Лео. Наши взгляды встретились, и дополнительных объяснений было не нужно.

— Найди его. Приведи сюда.

Лео коротко кивнул и, не проронив ни звука, исчез в коридоре.

Когда дверь за ним закрылась, в отсеке остались только гудение приборов, мерный писк кардиомонитора и вязкое, звенящее молчание. Я посмотрел на медика.

— Что вы можете рассказать о существе, которое его ранило?

Она подняла взгляд — тревожный, почти испуганный. В её глазах не было ни уверенности, ни привычной врачебной отрешённости. Только чистая, человеческая тревога.

— Я никогда не сталкивалась с подобным. Оно похоже на человека — но лишь на первый взгляд. Он несомненно гуманоид, огромный и астенически стройный, с почти человеческой анатомией, если не считать крыльев... Но вот амплитуда движений суставов, кожа, глаза — всё слишком... неправильное. Чужое. Я не знаю, что с ним делали, Дмитрий говорил, что наше стандартное вооружение почти бессильно. Его очень сложно уничтожить обычным оружием. Только ослабить с помощью какой-то вакцины и погрузить в криосон.

Я нахмурился, обдумывая услышанное. Кажется, я начаю понимать, что найти Дмитрия теперь было делом не просто важным, а жизненно необходимым. Без его знаний и наблюдений разработать хоть сколько-нибудь эффективную стратегию было бы равносильно попытке сражаться с тенью.

Глава 10: Прости, приятель

Лео

Обойдя ближайšie коридоры и комнаты, я вернулся назад, ко входу во второй отсек, где мы встретились с остальным экипажем в первый раз. Обнаружив Дмитрия сидящим у двери, я заметил, что его состояние вызывает серьёзные опасения.

Он выглядел очень плохо. Не просто усталым, а по-настоящему вымотанным, будто кто-то выжал из него душу и оставил только оболочку. Кровь на косяке двери и его ногтях — сорванных до мяса — говорили сами за себя. Он пытался открыть её. Пытался выбраться. Или, может хотел впустить ту тварь? Кто знает. Его грудь тяжело вздымалась, сиплое дыхание вырывалось отрывисто, как у смертельно больного. Глаза, налитые кровью, метались из стороны в сторону, словно пытались увидеть что-то, что укрылось в его слепых зонах

— Эй, приятель, ты меня слышишь? — голос мой прозвучал жёстче, чем я планировал.

Лаборант поднял голову. Лоб блестел от пота, волосы прилипли к вискам, губы шевелились, но слов разобрать было невозможно. Он что-то бормотал... тихо, бессвязно, как будто разговаривал с чем-то внутри собственной головы.

Я машинально крепче сжал оружие. Внутренний голос подсказывал: «*Не приближайся.*» Всё его поведение просто кричало о болезни или каком-то заражении. Опасном. Нечеловеческом.

— Чёрт возьми... — выдохнул я сквозь зубы. Руки сами выровняли автомат, беря его на прицел, — если ты не скажешь, что с тобой, мне придётся стрелять. Прости, приятель, но я не могу рисковать всеми остальными.

Он попытался что-то сказать. Было видно, что слова рвались наружу. Знаю это состояние. Обычно горло будто сжато изнутри. Хочешь кричать, но не можешь издать ни звука.

— Я... — выдавил он наконец, но на этом всё оборвалось. Он склонил голову, и внезапно его тело выгнуло и скрутило. Судороги проносились по нему, как волны. Дмитрий согнулся пополам, потом полностью вытянулся, грудь вздымалась рывками. Всё его существо начало мелко вибрировать.

Я отступил на шаг. Прицел не дрогнул.

— Ну, не сейчас, мать твою...

Этот лаборант мог умереть прямо здесь. Или мутировать. Или заразить меня. Но и бросить его здесь, одного, было бы... подло.

Сняв с пояса закрытые тактические перчатки, я надел их, чтобы не контактировать с зараженным. Шагнул вперёд и, чёрт с ним, схватил бедолагу за воротник. Он не сопротивлялся. Тело дрожало, как в припадке. Я волоком дотащил его до ближайшей комнаты — узкое помещение, один вход, ни

вентиляции, ни люков. Подходяще.

Дмитрий осел на пол, привалившись к стене, его дыхание было тяжёлым, а тело снова мелко трясло. Глаза лихорадочно метались, но он пока оставался в сознании.

— Чёрт, дружище, что с тобой происходит? — пробормотал я, понимая, что он мне сейчас не ответит.

Не став дожидаться пока ему станет хуже, я вышел из комнаты. Запер дверь снаружи, проверил крепление и отступил на пару шагов. Внутри послышался тихий стон, затем царапающий звук — словно ножами провели по металлу.

— Ты только не сдохни, слышишь? — сказал я, глядя на дверь.

Теперь у меня был лишь один вариант действий: срочно найти медика и разобраться, что творится с этим странным ученым. Сняв перчатки, я бросил их к двери на пол, чтобы не разносить эту гадость по всему кораблю. Не теряя ни минуты, я помчался в медицинский блок отсека, твердо понимая, что оставлять его там надолго — нельзя. Ведь, в лучшем случае, он просто умрёт, а в худшем — мы все будем обречены.

Глава 11: И да, и нет

Анна

Отсек, где я осталась одна, всё ещё был пропитан сырой тишиной — той, что остаётся после спешной операции. Медицинский блок был ярко освещён, но я убавила свет — глаза резало, да и не хотелось больше видеть всё в таком безжалоостном белом свете.

Дверь распахнулась резко, почти агрессивно, разорвав тишину в клочья. В отсек влетел солдат. Его шаги звучали глухо, тяжело — будто он прошёл через что-то гораздо страшнее, чем просто коридор. Взгляд сразу нашёл меня.

Я сидела за столом, склонившись над терминалом, пальцы автоматически скользили по сенсорной панели, хотя я уже давно не читала текст. Рядом, на столе автодока, лежал Джеймс — неподвижный, с лицом, потерявшим краски. Снова поймала себя на том, что вслушиваясь в дыхание — привычным, профессиональным рефлексом. Только ритм был не тот. Слишком редкий. Слишком тихий.

— Я нашёл его... Дмитрия... — голос Лео был хриплым, отрывистым, — и боюсь, он больше не жилец.

На мгновение повисла зловещая тишина, нарушаемая только гулом систем жизнеобеспечения.

— Что ты имеешь в виду? — Я вскочила, оттолкнув кресло, которое отъехало назад с тихим скрипом.

Дверь за спиной Лео с глухим щелчком закрылась, отрезая нас от остального мира. Мужчина тяжело выдохнул, положив ладонь на стену, будто пытаюсь зацепиться за что-то материальное, чтобы не упасть, а отдышаться.

— Он был у входа во второй отсек. Дмитрий пытался открыть дверь. Ногти сорвал до мяса. Он весь дрожал, — Лео запнулся, будто не мог подобрать слов, и наконец выплюнул, — глаза были налиты кровью. Он выглядел так, будто заражен или смертельно болен. Будто в нём уже поселилось что-то другое. Как будто он не он...

Я несколько раз быстро моргнула, а дыхание стало глубже. Мой взгляд скользнул от Лео к Джеймсу — он лежал без сознания, но дышал ровно. Ни признаков заражения, ни судорог, ни изменения цвета кожи — просто сон, вызванный дозой обезболивающего. Казалось, будто он вот-вот откроет глаза и спросит, что произошло.

Я машинально поправила очки. Стекла чуть дрогнули в пальцах, и только тогда я заметила, как мелко трясутся руки.

— Это может быть инфекция, — произнесла я, больше себе, чем кому-то, — но ничего такого мы не регистрировали... Если это действительно инфекция и он заражен — то может представлять угрозу всей команде.

Лео кивнул. Его лицо было напряжённым и в этом напряжении читалась сдержанность, дисциплина. И доля страха.

Того самого, что штурмовики не имеют права показывать.

— Без полноценной лаборатории и анализов я не смогу ничего предпринять. Возможно, он заразился не через кровь Джеймса, а где-то ещё. Чтобы выяснить, что с ним происходит, мне нужно попасть во второй отсек, а туда никак, — закусив губу, я сокрушённо потёрла лицо. Опустив глаза на Джеймса я провела ладонью по его лбу. Кожа тёплая, дыхание ровное.

— Херово... — выдохнул Лео, — значит, ученый останется там, пока мы не найдём способ попасть во второй отсек?

— Если мы не узнаем, что с ним, мы даже не поймём, заразен ли он. Может, у нас уже идет инкубационный период, а мы даже не догадываемся! — наконец я сорвалась, и резко выдохнула, пытаясь взять себя в руки, — нам нужен способ попасть в лабораторию.

— Капитан должен быть на мостике, они проверяют записи. Если кто-то запирает двери изнутри, значит, там должен быть обходной путь, — с уверенностью сказал Лео.

— Может, через технические галереи или систему вентиляции? Может там есть доступ к старым инженерным схемам? — предположила Анна.

— Если и есть проходы, то с учетом того, что там может быть это существо, мы рискуем нарваться на гостей. Похоже остаётся только одно. Мы собираем всех, кто способен держать оружие, и двигаемся вместе. Осторожно. Без лишнего шума. Шаг за шагом, — скрипнув зубами, подытожил Лео.

Я посмотрела на спящего Джеймса, подошла к нему и попыталась найти на нём признаки заражения. Солдат выглядел спокойным. Температура нормальная, дыхание глубокое и ровное, сердцебиение слегка учащенное, но в пределах нормы. Быть может хорошо действовало лекарство, но выглядело всё так, как будто он просто крепко спит.

— А если мы не успеем? Если заболевание проявится, пока мы возимся?

Лео сжал кулаки. Слова дались ему не сразу:

— Значит, его тоже придётся изолировать.

Мы поспешили покинуть медицинский отсек.

Замки активировались, прозвучал характерный щелчок, и надпись на экране вспыхнула алым: «ДОСТУП ОГРАНИЧЕН». Я отвела руку от панели, не сводя взгляда с дверей — моё собственное отражение дрожало в блестящей поверхности. Мы только что превратили медицинский отсек в клетку. Пациент остался внутри, но теперь он был не просто пациентом — он был возможной угрозой.

Не теряя времени, мы поспешили прочь — к капитанскому мостику, туда, где могла быть надежда, поддержка или хотя бы объяснение. Шаги гулко отдавались по металлическому полу, сливаясь с тревожной пульсацией ламп освещения.

Каждый из нас нёс в себе свои причины оказаться на этом корабле. Кого-то сюда привела наука. Кого-то — долг. Кто-то просто искал работу в бескрайнем космосе. Но теперь нас объединяло лишь одно: голое, примитивное желание вы-

жить. Добраться до истины, до того, что вызвало весь этот кошмар. Остаться живыми.

— — — — —

Когда мы, наконец, добрались до мостика, дыхание было рваным, пропитанным адреналином. Капитан Харпер стоял, опершись обеими руками на центральную консоль. Его лицо было каменным, взгляд буравил экран, но мысли явно витали где-то гораздо глубже. Рядом с ним — Адам, Касс, и Элиас. Они молча перебирали архивные записи с камер, замедляя, увеличивая, отматывая назад. Внимание привлекла запись, на которой были замечены люди, проснувшихся приблизительно одновременно с нами. На экране мелькали взволнованные лица.

Спустя какое-то время, записи начали меняться. Кто-то из этих людей резко падал в коридоре, тело дергалось в конвульсиях, и затем — затишье. Неподвижность. Что-то происходило с ними очень быстро. Слишком быстро. Другие, в панике, бежали в сторону лаборатории, которая, судя по всему, и стала их последним убежищем. Помимо учёных, которые были разбужены раньше, на записях был зафиксирован сильный электромагнитный импульс, который на несколько секунд отключил все камеры. Возможно он и стал причиной того, что бортовой вычислитель посчитал, что случилась попытка взлома системы и решил предотвратить дальнейшее вмешательство.

— Что-то нашли? — Лео заговорил первым, даже не от-

дышавшись после бега.

К нам повернули сразу несколько голов, и по выражению их лиц стало понятно, что новости не из приятных.

— И да и нет...

Глава 12: Граница реальности

Кассандра

Гнетущая атмосфера висела в воздухе, как сгусток тумана, просачиваясь во всё — в металл стен, в гул вентиляции, в дыхание. Свет в коридорах мерцал чаще, чем обычно, будто нервничал вместе с нами. Сам Эос начал тревожиться, чувствовать, что на борту что-то пошло не так.

После просмотра архивных записей на мостике стало ясно одно — мы не понимали, с чем столкнулись. Всё, что происходило — существо, странные сбои корабля, непредсказуемые реакции систем — складывалось в хаотичную мозаику, где не было места привычному пониманию. Мозг пытался выстроить причинно-следственные связи, но наталкивался на глухую стену. Это было что иное.

Во-первых, было принято решение взять анализ крови. Нужно было изучить биоматериал каждого пробужденного раньше времени. Даже тех, кто выглядел совершенно здоровым. Паразит или вирус мог так замечательно адаптироваться к организму, что не выдавал явных отклонений. Во всяком случае пока. Загвоздка оставалась в том, что оборудование для проверки была во втором отсеке. Отсюда вытекает следующее.

Во-вторых, требовалось досконально проверить второй отсек. Всё необъяснимое крутилось вокруг него. Он был как черное пятно на карте. Место, где началась та цепь странностей, что поставила под угрозу весь экипаж. Отправиться туда — было суицидом, но и маленьким шансом. Я уверена, что все ответы ждут нас там, за закрытыми герметичными дверями.

Мы нашли несколько маршрутов. Каждый не гарантировал безопасности. Потому что вероятность встретить то самое существо высокая, а вариант не вернуться — ещё выше. Поэтому капитан настоял на создании точной стратегии, где будет предусмотрено все — от отвлекающего маневра до крайних мер, вплоть до полной изоляции отсека в случае провала.

— Мы должны быть готовы, — произнес Харпер, тяжело глядя на нас, как бы намекая одним взглядом, что выжить смогут далеко не все.

— — — — —

Когда мы проводили тщательную проверку всех крио-капсул в первом отсеке — человек пятьдесят, не меньше, — постарались не упустить ни одной детали. Каждого из спящих обследовали с предельной осторожностью, понимая, что малейшая ошибка может стоить слишком дорого. Особое внимание уделили ученым, так как именно они, просыпаясь раньше остальных для наблюдения за неизвестной формой жизни. Они могли обладать важнейшей информацией.

Нам повезло — количество капсул оказалось скромнее, чем ожидалось. Это облегчило задачу. Двое лаборантов всё ещё пребывали в глубоком сне, но Анна, просматривая их медицинские и служебные данные, хмурилась. В системе было зафиксировано, что оба просыпались относительно недавно. Это не могло быть случайностью.

Согласно протоколу их крио-программы предусматривали автоматическое пробуждение на протяжении полета, что означало лишь одно — они понимали кого мы перевозим. И, возможно, знали гораздо больше, чем мы.

Информацию сразу передали капитану вместе с файлом отчётов о мониторинге капсул. В нём фиксировалось всё — от микроколебаний температуры до малейших изменений в уровнях биоактивных веществ и поведении систем жизнеобеспечения. Картина выглядела безупречно. Никаких отклонений, никаких признаков угрозы. Ничего не предвещало того, что они могли быть чем-то заражены.

Удостоверившись в этом, Анна активировала процедуру пробуждения для этих двоих. Первой открыла глаза женщина средних лет, старший научный сотрудник, судя по званию. Ее неувядающая красота всё ещё пленяла взгляд. Влажные соломенно-золотистые волосы мягко ложились на плечи, создавая ореол спокойствия, а тонкие морщинки на переносице выдавали привычку к глубоким размышлениям. В ее пронзительном взгляде холодных голубых глаз, читалась властность, свойственная тем, кто долгие годы смотрит на

реальность через призму науки и логики.

Вторым проснулся молодой человек, примерно моего возраста. Невысокий, сухощавый, с коротко подстриженными волосами и тонкими, почти утончёнными чертами лица. Но больше всего внимание приковывали глаза. Один — изумрудно-зелёный, живой, полный любопытства. Второй — тёмный, как беззвёздная бездна. Контраст, который делал яркий акцент на уникальности.

На какое-то мгновение я вспомнила чёрные, бесчеловечные глаза существа. Холодные мурашки скользнули по коже, сжав грудную клетку в тисках необъяснимой тревоги.

После того как они вышли из капсулы, мы дали им некоторое время на восстановление.

Николас Харпер не дал им возможности первыми завязать разговор. Прочитав досье и звание до пробуждения, он твёрдо назвал женщину по имени.

— Вивиан Харингтон, — голос его звучал слишком официально, — мы подняли вас, так как на борту было замечено существо инопланетного происхождения. По нашей информации, вы уже в курсе происходящего. Поэтому нам необходимо понять, как можно его уничтожить и что вам известно о заражении.

— Я говорила, что не надо этого делать, — сокрушенно проговорив себе под нос, она выпрямилась и с вызовом посмотрела на капитана, — наша задача была подготовить людей к выживанию на планете Альтерра. Эта особь нужна,

чтобы усовершенствовать человеческий вид. Её не требуется уничтожать.

От резкой вспышки боли в висках я пошатнулась и наткнулась на спину Элиаса, помощника капитана. Голова начала шуметь, как будто я вспоминала то, что было закрыто до этого времени.

Палящее солнце висит в зените, как гигантский огненный глаз, ослепляющий всё вокруг своей беспощадной жарой. Местами песок искрит, расплавляясь, и обжигает каждую клеточку кожи. В этом аду, где нет ни тени, ни жизни, в далеких миражах начинает проявляться нечто ужасающее. Оно медленно выходит из марева, как сгусток тени.

Первые черты — львиная голова, покрытая необычной шерстью, а титановой чешуёй, отливающей холодным светом в лучах этого беспощадного солнца. Каждое движение тени отзывается эхом в пустыне — величественно и угрожающе, как сама смерть. Чешуя сверкает, как раскалённые угли, отражая свет так, что глаз не может зафиксировать силуэт. Она приближается, размытая, но очень даже осязаемая.

Из пасти, полной изгибающихся, остроконечных клыков, стекает густая, маслянистая чернота — нечто, что не должно существовать. Эта жидкость, почти как сама тьма, вытекает из её нутра, как будто она поглощает всё вокруг. Каждая капля, скользящая по челюстям, тянет за

собой тёмное, непостижимое нечто, и воздух становится тяжёлым, как свинец. Она несёт мрак, который проникает в мир, исчезая в песке и растворяя свет.

Но худшее скрывается внизу — вместо задних лап у этого чудовища извивается змеевидное тело, изрытое шрамами. Её движения точные, хищные. Словно вырывает песок из-под её когтей, оставляя за собой следы. Она ползёт, бесшумная, но страшная, как сама тьма, с грацией, которая разрушает всё на своём пути.

Я пытаюсь отступить, но песок под ногами становится словно живым. Тянет меня вглубь. Он горячий и липкий, как расплавленное стекло. И я чувствую, как мои ноги поглощают его, как бы я не пытался двигаться. Это не просто песок — это пытка, адская мука, из которой нет выхода.

В голове я слышу звенящий, утробный крик. Он эхом отзывается в моих ушах «БЕГИ!», но тело не слушается. Каждое движение сковывается чем-то непонятным и тяжёлым. Лёгкие сжимаются, и я хватаю воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег. Он не даёт мне насытиться. Вся грудь горит от нехватки кислорода, и, накатывая волнами, паника нарастает. Каждая клетка моего тела кричит в ужасе, но что-то держит меня, словно я прикована к этому месту.

Мрак, злоеущий и живой, приближается. Чудовище неумолимо, а я стою, как в ловушке, не в силах ни пошевелиться, ни позвать на помощь.

В тот самый миг, когда страх достигает апогея, мир вокруг меня рвётся, будто ткань сна. Пустыня исчезает. Вместо неё — лица. Знакомые, живые, спасающие. Я моргаю, но глаза полны слёз — не от боли, не от страха. Песок, из того кошмара, всё ещё лежит в уголках глаз, обжигая роговицу, как напоминание.

Наткнувшись спиной на кого-то позади, я ощутила, как сильные руки мгновенно подхватили меня, не позволив рухнуть на пол. Одна из них мягко, но надёжно обвилась вокруг моей талии, вторая — крепко легла на плечо, удерживая меня на месте. Я почти повисла в этой хватке, не в силах стоять самостоятельно.

— Ты в порядке? — голос прозвучал глухо, будто через плотную стену воды или сквозь ватный туман.

Он наклонился ближе, стараясь заглянуть мне в лицо, но я лишь зажмурилась — от переизбытка чувств, от головокружения, от этого странного, липкого ощущения, будто реальность пытается ускользнуть.

Я не могла говорить. Всё тело сотрясала дрожь. И только его рука на моей талии казалась единственным якорем, не дающим мне исчезнуть.

В голове пульсировали обрывки воспоминаний.

Песок, горячий, как расплавленный металл, обжигал кожу. Воздух был густым, наполненным раскалённой пылью,

а вдалеке, сквозь марево жары, маячила огромная фигура. Львиная голова с пустыми, бесцветными глазами. Её пасть приоткрыта, и мне казалось, что я слышу её зловонное дыхание.

— Эй, очнись, — Элиас сжал меня крепче, встряхивая и выбивая из этого видения. Голоса стали чётче, комната приобрела ясные контуры.

Я моргнула, пытаясь вернуться в реальность. Глаза по-прежнему слезились, и я с трудом могла сфокусировать взгляд на людях вокруг.

Вивиан Харингтон всё ещё стояла перед капитаном, её руки были сцеплены за спиной, а выражение лица — напряженное, словно она ждала удара.

Странно, но никто и не заметил того, что произошло со мной. Кроме того, кто не дал мне упасть.

— Ты сказала... — голос Харпера прозвучал низко и опасно, — что ваша задача была подготовить людей к выживанию на Альтерре. Значит, вы намеренно проводили опыты с теми, кто находится на корабле?

— Это было частью программы, — женщина не боялась его и отвечала крайне спокойно, — ЭкзА не просто инопланетная форма жизни. Это ключ к адаптации. Без него человечество не сможет существовать в тех условиях, в которых ему предстоит оказаться.

— Вы притащили на корабль монстра! — голос Адама

был полон ярости, — и поставили под угрозу всех нас!

— Он не должен был очнуться, — возразил второй лаборант, парень с утонченными чертами лица, по имени Исаак Русел. Его голос был тихим и с лёгким акцентом, — криомодули были рассчитаны так, чтобы существо оставалось в анабиозе до прибытия. Это всё Дмитрий. Он решил использовать на нём сыворотку для того, чтобы предоставить нам больше материала для программы.

— Так, а теперь простыми словами, — обратился Капитан к учёным.

— Не все, кто попал под усовершенствования, начали меняться. При этом стоит отметить, что не было ни одного несчастного случая. По нашим подсчетам, нам бы не удалось добраться до планеты и полностью закончить эксперимент. Дмитрий решил изменить дозу, а для этого нужно было, чтобы существо было не в анабиозе, а на грани бодрствования. Поэтому было принято решение ввести в него стимулятор, чтобы спокойно брать у него биоматериал, и уже после этого вводить испытуемым.

Адам тихо выругался — грязно, с чувством, будто хотел выплюнуть вместе со словами накопившееся напряжение. Облокотившись на стену, он скрестил руки на груди и тяжело выдохнул.

— Значит, вы его будили? — медленно проговорил капитан, в его голосе звучал холодные ноты, — осознанно.

— Не совсем, — попытался оправдаться Исаак, но Харпер

не дал ему договорить.

— Вы. Его. БУДИЛИ!

Вивиан выдержала его испепеляющий взгляд.

— Это была необходимость. Мы не могли просто ждать, когда процесс пойдёт сам. Альтера — негостеприимный мир. Человеческий организм должен адаптироваться. Иначе там нам не выжить.

— Чудесно, — процедил капитан сквозь зубы, — и к чему привела ваша «адаптация»?

— К тому, что сейчас существо свободно разгуливает по кораблю, — сухо добавил Элиас.

— А еще, оно убило по крайней мере нескольких из нас. Одного ранил, некоторые умерли, так и не добравшись до первого отсека, а Дмитрий, — Лео сделал особый акцент на имя инициатора этого эксперимента, — сейчас валяется закрытым в комнате и по всей видимости, умирает от заражения.

Я уже пришла в себя и смогла крепко стоять на ногах, но Элиас не торопился меня отпускать. Как будто теперь я стала для него поводом не натворить глупостей.

Аккуратно положив свою руку на его, которая держала меня за талию, я тихо сказала:

— Со мной всё в порядке, — стало не по себе от такого близкого контакта. И я не могла понять, то ли моё сердце барабанило от пережитого в «видении» или от того, как дыхание, определённо красивого парня, щекотало моё ухо.

Элиас посмотрел на меня внимательно — прямо, пронизывающе, так что даже дыхание сбилось. Синие, как океан глаза будто спрашивали без слов: *«Ты уверена, что всё в порядке?»* Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на покрасневшихся щеках, и его губы едва заметно дрогнули в улыбке. Он отпустил меня, и в этот момент я остро почувствовала, насколько близко он стоял.

Отчего-то на меня накатила злость. В такой ситуации — думать о симпатиях, о взглядах, о тепле чужих пальцев на своей коже. Чушь. Я выпрямилась, придав лицу максимально сосредоточенное выражение, и шагнула к остальным, стараясь вернуть себе холодный рассудок.

Глава 13: Цена выживания

Кассандра

Пока лабораторные сотрудники переодевались, наша делегация активно дискутировала на счёт того, что дальше делать. Любое оружие наносило существо минимальный урон, а инъекцию Дмитрий куда-то спрятал, или быть может она и сейчас была при нём. Можно было оставить всё как есть, но в таком случае неизвестно мы умрём в ближайшее время из-за экспериментов или всё обойдётся, так как станем *пригодными* для проживания на новой планете.

Капитан Харпер оперся руками о стол, хмурясь ещё сильнее прежнего.

— Слишком рискованно оставлять все так, как есть. Мы даже не знаем, какие именно изменения запускает эта сыворотка.

— И не факт, что она подействовала на всех, — добавил Элиас, сложив руки на груди. Голос его был спокоен, но я чувствовала, что он намекает на меня. Догадывается, что не просто так я отключилась и чуть не рухнула.

— Нам нужен тот шприц, — твёрдо сказал Лео, — если эта сыворотка единственное что может ослабить тварь. Значит, без неё мы просто мясо на убой.

— Вы хотите пойти к Дмитрию? Вы же понимаете, что он может быть уже... не совсем человеком? — засомневалась Анна.

— Если он всё ещё жив, — ответил ей Харпер, — я сам его прикончу.

По пути во второй отсек мы заглянули к Джеймсу, чтобы убедиться, что с ним всё в порядке. Анна, как-то по-матерински аккуратно, проверяла его показатели. Казалось, между ними было что-то большее, чем просто товарищество. Возможно, они были знакомы ещё до нашего пробуждения. Задавать лишних вопросов я не стала. Сейчас было не до того. К тому же, её тут же засыпали вопросами наши новые друзья: «Как проходила операция?», «Были ли осложнения?», «Не заметила ли она чего-то странного?». Ответ на всё — нет.

— Ты в порядке? — обратился ко мне помощник капитана, когда мы с ним замыкали нашу небольшую процессию.

Я чуть вздрогнула от неожиданности, так глубоко ушла в свои мысли. Элиас смотрел на меня внимательно и с лёгкой тревогой.

— Да... Просто слишком много всего.

— Неудивительно. Сегодня самое увлекательное время-провождение за весь полёт, — он улыбнулся собственным словам, и улыбка получилась чересчур вымученной.

Тут же меня накрыла вспышка воспоминаний. Его руки, тепло от прикосновений. Сердце забилось чаще, как будто

внутри включили аварийную тревогу. Почему он не пошёл вперёд вместе с остальными? Почему остался рядом? Мне сейчас совсем не нужны эти качели. То ли сказался накопленный стресс, то ли всплывало то, что я так долго подавляла. Последние годы всё моё внимание было сосредоточено на подготовке к экспедиции, на цели, ради которой я жила. На чувства просто не оставалось места.

Мы оба на время замолчали. Посмотрели друг на друга, а потом, синхронно, перевели взгляд вперед, на остальных. Вивиан и Исаак спорили с капитаном, обсуждая, можно ли было предугадать пробуждение существа. Адам не сдерживал раздражения, бросал резкие фразы. Лео, казавшийся всегда спокойным, тоже не отставал. Они друг друга стоили.

— — — — —

В комнате, где держали Дмитрия, не горел свет и не было слышно ни малейшего звука. Словно время там замерло. Атмосфера около двери была настолько гнетущей, что казалось, будто за ней не может быть ничего хорошего.

Лео поднял оружие, держа его наготове с такой уверенностью, будто это был единственный способ сохранить видимость контроля. Почти вся обойма была израсходована в прошлой стычке — он сам сказал об этом по пути. Но и тех нескольких пуль, что остались, хватило бы, чтобы остановить человека. Анна стояла рядом, прижимая к груди аптечную сумку. Свой пистолет она ещё вначале оставила Адаму, сказав, что не хочет становиться тем, кто убивает.

Вооружённые мужчины подошли к двери. Металл скрипнул, когда замок поддался. Створки открывались с болезненной медлительностью, будто сама система сопротивлялась — не хотела, чтобы мы заглядывали внутрь. За пределами коридора свет дрожал, неуверенно бросая блики на стены. И в ту же секунду, как только мы пересекли порог, по позвоночнику пробежал холод. Не страх, нет. А инстинктивное, животное ощущение — здесь что-то не так. Слишком тихо. Безжизненно.

В углу комнаты лежал научный сотрудник. Он был бледно-синим, тело не двигалось. Лицо его было обескровлено. Красные белки глаза смотрели в одну точку, а серые глаза заволокла прозрачная пелена. Он расцарапал свой костюм, на котором были кровавые полосы от ногтей. Его пальцы начали мутировать в длинные когти, как у того самого инопланетного существа. Некоторые обломались, оставив раны, которые уже не кровоточили. Крови на мужчине было немного, но даже эта картина вызвала панику у остальных. Первой заговорила Вивиан.

— Мы должны срочно выяснить что с ним произошло, — произнесла она твёрдо, словно собираясь не допустить дальнейших смертей. Её голос эхом разнесся по комнате, невольно заставляя нас напрячься.

Взгляды, полные тревоги, метались между капитаном Харпером и Вивиан, которая уже пристально изучала состояние Дмитрия. Её взгляд блуждал по поврежденным участ-

кам его тела, пытаюсь найти хоть какие-то объяснения.

Анна, держа в руках медицинский сканер, поспешно начала проводить первичный анализ, её движения были быстрыми и точными, несмотря на нетипичность ситуации. Наверное, сказывался прошлый опыт.

— Его клеточная структура подверглась изменениям. Организм не смог адаптироваться.

Потом к ней присоединилась Вивиан и достав шприц, она попыталась воткнуть его в руку мужчины, чтобы взять анализы крови, но кожа оказалась удивительно прочной. Лео, заметив замешательство, подоспел и протянул ей нож. С осторожностью и напряжением ей удалось сделать аккуратный порез, и колба, наполненная темной кровью, оказалась в руках старшего лабораторного сотрудника. Не теряя ни секунды, она обратилась к капитану:

— Нам нужно срочно попасть в лабораторию, — голос Вивиан звучал сухо и деловито, — чтобы понять, что стало причиной такой смерти. И взять анализ у каждого из вас. Нужно исключить возможность заражения или повторения симптомов.

— Напомнить вам, что в лаборатории находится существо, которое *выразбудили*? — самообладание Харпера трещало по швам, и в тоне чувствовалось то, что редко позволял себе капитан — злость, смешанная со страхом.

— Тогда вам нужно решить от чего вы хотите умереть. От мутации или от попытки выжить, — старший лабораторный

сотрудник хоть и была ниже капитана, но по её стальным оттенкам в голосе, можно было подумать, что она меряется с ним авторитетом, — это первый умерший испытуемый. Возможно, он проводил дополнительные опыты только над собой, а быть может и на всех вас. Единственный способ это проверить — сделать анализы.

Проверив сумку и карманы мертвеца, обнаружили шприц который Дмитрий забрал с лаборатории, вернее то, что от него осталось. Из десяти кубиков, оставалось около половины, а значит полностью ослабить и убить существо не получится.

— Пули его не берут, но в оружейной должны быть резакки по металлу, с его помощью мы проводили операции и доставали с него костную ткань, — голос Исаака из-за двери, дал подсказку, как можно его травмировать.

— Осталось только как можно тише пробраться мимо существа и не умереть при этом, — Лео чертыхнулся и вышел из комнаты, в которой и так столпилось слишком много народу.

— По плану корабля есть вентиляция, — Адам ткнул в решётку на уровне потолка. — Можно пролезть по ней. Эта мразь хоть и худая, но слишком длинная, чтобы свободно ползать по воздуховоду. Отправим самых стройных — они проскользнут, донесут оружие к нам, и уже с полным арсеналом встретимся лицом к лицу.

— Звучит разумно, — отозвался Лео, с опаской огляды-

вая людей в комнате. Он медленно обвёл взглядом тех, кто подходил под «стройных»: Анна, я, Исаак и Вера — миниатюрные, подвижные, с запасом ловкости. Его взгляд задержался на Элиасе чуть дольше. В нём промелькнуло сомнение и расчёт одновременно.

Глава 14: ГОТОВЫ

Кассандра

Было принято решение отправить в «экспедицию» меня. С точки зрения опыта работы на корабле, в данной ситуации, я оказалась самой бесполезной из всех. Исаак и Элиас были более опытными и могли помочь в том, чего я не умела. Вивиан, с её знаниями о вакцине, не решились отправлять. Ну и никто не рискнул бы отправить единственного медика в такой опасный поход.

Адам использовал передатчики из капитанского моста, вручив каждому по одному устройству. Мы вставили их в уши — теперь наш статус отображался на экранах. Таким образом, все будут в курсе того, что происходит. Это знание придавало уверенности. Вроде бы.

Элиас получил бластер. Он был легким, маневренным и способным на быструю защиту. Правда, как бы он мог навредить существу, тот ещё вопрос. Автомат оставили — он был слишком громоздкий и неудобный для перемещения по вентиляции. Плюсом ко всему, как показал опыт, урона по гуманоиду тоже, нанес немного.

Пока все занимались подготовкой, я чувствовала себя как лишняя деталь в этом плане. Просто тело, которое помогло

бы нести оружие, а затем, возможно, сыграло бы роль отвлекающего маневра, если вдруг что-то пойдет не так. В голове метались тревожные мысли. Но ничего не оставалось, кроме как наблюдать за ними, чувствуя, как неуверенность сковывает каждый шаг.

Мы были готовы отправиться в самую опасную часть корабля, и я была далеко не уверена, что вернусь живой. Но выбора было не шибко много.

— Если что-то пойдёт не так, сообщайте немедленно, — напомнил нам капитан, его голос прозвучал словно напутствие.

Мы направились к шахте вентиляции, которая вела ко второму отсеку. Панель, закрывающая вход, была высоко расположена. Почти у потолка. Пришлось соорудить небольшую лестницу, чтобы взобраться. Это выглядело как не очень сложное препятствие. Решётка, закрывающая доступ, была тяжёлой, но с помощью инструментов инженера мы легко справились с ее открытием. Звук скрежета металла эхом отразился в пустом пространстве, заставив меня на мгновение ощутить, как корабль вокруг оживает.

Перед нами открылся узкий металлический тоннель, освещенный лишь тусклыми аварийными лампами. Их бледный свет едва ли пробивался сквозь тьму, создавая странное ощущение, что мы как будто плыли в каком-то другом мире — застывшем, будто бы лишенном времени. Воздух был тяжёлым, будто сам корабль подавлял нас, не позволяя дышать

свободно. Пахло металлическим послевкусием, чем-то стертым, что-то почти неуловимое висело в атмосфере, создавая странное ощущение на коже.

— Пошли, — скомандовал Элиас, не оборачиваясь. Он был первым, кто полез в шахту.

Я последовала за ним, заползая следом. Исаак был позади меня, его движение были немного увереннее и держался ближе ко мне. Всё происходило как в кошмаре: тёмный тоннель, шум наших движений, скрип металла, пронзающий воздух. На четвереньках скорость передвижения невысокая, но это давало чувство относительной безопасности. Мы были защищены этим узким коридором, и на какой-то момент я почувствовала, что переживать не о чем.

Холодный металл давил на руки, напоминая, что мы находимся в жёстком, чуждом пространстве, где нет места для тепла и комфорта. Воздух в этом туннеле был холодным, и я могла почувствовать, как легкие потоки ветра едва ли касаются лица. Он не был свежим, скорее застоявшимся.

Из-за того, что я была самой маленькой, стены не так сильно давили. Но сама поза продолжала быть некомфортной. Мышцы уже начинали болеть от постоянного напряжения, а я сама ощущала, как постепенно теряю чувство времени. В голове всплывали мысли о том, что я могла бы оказаться здесь навсегда — частью этого туннеля.

Мы двигались, чередуя ползание с короткими перерывами. Каждый раз, когда я приостанавливалась, ощущение

стеснения пространства становилось лишь ярче. Холодный металл, сдавливающий нас со всех сторон, напоминал о том, что мы — всего лишь маленькие фигуры в огромном механизме, а вокруг нас — пустота. Ткань костюма слегка шуршала от каждого движения, и в этом тихом звуке было что-то навязчивое.

Достигнув первого поворота, Элиас обменялся короткими репликами с Адамом. Эта простая человеческая коммуникация возвращает хоть какое-то чувство реальности в этот бесконечный тоннель. Нам указали направление, и мы снова начали двигаться, чувствуя, как вокруг нас звучат тихие, но решительные команды, которые помогали нам не потеряться. Эти слова, как и свет слабых ламп в вентиляции, становились нашими маяками в этом бесконечном лабиринте.

Каждое движение давалось с усилием. Ноги уставали, и я буквально ощущала сопротивление от холодного металла, который, казалось, сам пытался остановить наш путь. Не знаю, что именно было хуже — холод, сковывающий мышцы, или давящая тишина вокруг, которую нарушал только наше дыхание и легкий скрежет металла.

Внезапно в ухо раздался голос капитана Харпера:

— Еще два поворота направо и прямо до конца. Там будет спуск в коридор. Вам нужно туда.

Не знаю, сколько времени прошло, но ощущение тяжести в теле было почти нестерпимым. Мышцы затекли и иногда отдавали болезненными спазмами. Кажется, я давно пере-

стала ощущать тепло, будто я знала только дрожь. Пар, исходящий от нашего дыхания, прозрачно выделялся в тусклом свете аварийных ламп, и сразу же стало понятно, что температура в туннеле опустилась ниже $+10^{\circ}$ C. Моё тело начало постепенно терять ощущение стабильности, как если бы оно больше не имело сил двигаться.

Наконец, спустя целую вечность, мы достигли решётки, которая, как и обещал капитан, вела к коридору. Когда я увидела свет в конце, то буквально почувствовала, как чувство облегчения заполняет меня, словно скидывая груз с плеч — мы сделали один шаг в сторону освобождения.

Вентиляция была расположена прямо под потолком, и Элиас, открутив решетку, придерживал её одной рукой. Он вылез на половину, проверив, нет ли кого-нибудь в коридоре, а затем, без лишних колебаний, прыгнул, ловко приземлившись на металлический пол. Громкий шлепок ботинок о поверхность эхом разнесся по коридору. В тот момент, как его ноги коснулись пола, он мгновенно спрятался за стеной, напряженно осматривая пространство. Каждое его движение было ловким и осторожным — как если бы он уже привык к подобным вылазкам.

Несколько секунд утонуло в полной тишине. Элиас, не издавая ни единого звука, опустил решётку и быстро подошёл к выходу из вентиляции.

Он подал мне знак — не дождавшись изменений, поднял руки в мою сторону. Я повернулась в тесном пространстве,

вытянула ноги и прыгнула вниз.

Высота была больше двух метров, и без его помощи я едва ли смогла бы спуститься, не рискуя ушибиться. Когда же я упала в его крепкие руки, мои ощущения были одновременно странными и знакомыми. Я почувствовала, как его пальцы сжали мою талию, удерживая, несмотря на резкое падение. Мы почти столкнулись носами, но Элиас был сосредоточен, его внимание было целиком поглощено тем, что происходило вокруг, и он не заметил этого момента мгновенной близости.

Я же заметила, как его лицо побледнело от холода, а губы посинели. Несмотря на это, черты сохраняли свою привлекательность. В этот момент он напомнил мне о герое из старой сказки — о снежной королеве. Контакт наших глаз, продержался всего лишь мгновение, прежде чем меня аккуратно опустили на пол.

Быстро обхватив себя руками, я потёрла плечи в надежде согреться. Холод в вентиляции заставил каждый мускул напрягаться от неудобства. Затаив дыхание, я осторожно выглянула из-за узкого закоулка, где располагался выход. Тусклое мерцание ламп едва освещали пространство, отбрасывая рваные тени на гладкие металлические стены.

Оглядевшись в поисках хоть что-нибудь для опоры, которая смогла бы заменить нам лестницу, я схватила все, что попало под руку. Несколько мгновений спустя, мы собрали что-то похожее на ступеньки. В том, что нам это приго-

диться на обратном пути, я была более чем уверена.

— Из этого коридора есть выход. По правую сторону — дверь. За ней — жилой комплекс. Но если идти прямо и не сворачивать, наткнетесь на массивную перегородку. Вам туда, — сказал Адам в наших динамиках, как только мы дали отмашку, что добрались.

— А нельзя было сразу добраться в военную часть? По вентиляции? — начал было протестовать Исаак, но его вопрос был сразу прерван.

— Нельзя было. Там другая вентиляция, с лабораторией связана. Это и так самый быстрый маршрут, который нашли, — ответил Адам с раздражением. Я могла представить, как в этот момент его густые брови хмуро сошлись на переносице, выражая недовольство. Эта мысленная картина вызвала у меня короткую улыбку. Забавно, как за столь короткое время я успела заметить в каждом из них характерные черты — привычки, жесты, манеры речи. Все они, даже в таком напряженном состоянии, становились предсказуемыми.

Как и было сказано, мы направились в жилой отсек. Модули кают располагались по обе стороны прохода — одинаковые, безликие, с плотно закрытыми дверями. За ними всё ещё спал экипаж, погружённый в крио-сон.

Глухая тишина делала это место ещё более жутким, словно здесь не жили люди, а лишь их тени, застывшие в ожидании пробуждения. Казалось, что все эти пустые каюты скрывает нечто большее, а за каждым металлическим барьером

может быть что угодно.

Мы двигались осторожно, почти крадучись, пытаясь не нарушить хрупкую тишину. Липкий страх крепко держал нас в своих когтях, сжимая сердца и не позволяя сделать лишнего шага. В голове вертелись мысли о том, что двери могут открыться, реагируя на наше движение, что за каждой из них нас может поджидать *она*. Если существо проникло сюда, то могло быть где угодно — скрываться за любым поворотом, поджидая нас в тени. Думать об этом не хотелось, но стресс пронизывал всё вокруг. Мысли давили словно физически, осложняя движение.

Наконец, впереди замерцала массивная дверь, ведущая в военную часть корабля. В отличие от остальных, она выглядела более прочной, усиленной, с системой автоматического блокирования в случае угрозы. В углу мигающий терминал ясно давал понять, что просто так дверь не откроется.

— Оружейная впереди, — раздался в динамике голос Адама, немного приглушенный помехами, — код доступа отправляю.

Как только дверь с характерным металлическим лязгом разъехалась в стороны, она словно крикнула о нашем присутствии на весь корабль. Звук отразился от стен коридора, прокатился эхом по пустым помещениям, и в тот момент мне показалось, что нас точно услышали. Мы переглянулись, не произнося ни слова. Решение было мгновенным — лучше не испытывать удачу. Мы сорвались с места, бросившись в

открытый проём, не заботясь о тишине, лишь бы оказаться внутри.

Корабль, как и сама военная часть, был выстроен в строгом минималистичном стиле. Здесь не было ни одного ненужного предмета, ни единого признака человеческого беспорядка. Только идеально ровные линии стен, мрачные металлические шкафы и панели управления, встроенные в стены. Это место словно существовало отдельно, отрезанное от всей жизни, представляя собой лишь функциональное пространство.

Паника требовала скорости, и мы лишь ускорились, следуя по маршруту, который нам подсказывали через связь.

— Дальше ещё одна дверь! Справа, прямо перед вами! — голос Адама звучал напряжённо, будто он тоже чувствовал приближение чего-то жуткого. Знание того, что мы все были на грани, только усиливало напряжение. В ушах звенело, и я чувствовала, как сердце колотится всё быстрее.

Мы буквально влетели в следующую разблокированную дверь. Как только последний из нас оказался внутри, Элиас кинулся к пульту управления. Его пальцы быстро пробежали по сенсорной панели, и спустя секунду дверь снова обрела непроницаемость. Внутренний замок защёлкнулся с приглушённым щелчком, и этот звук принёс кратковременное облегчение.

— Мы на месте. Теперь оружие, — коротко сказал помощник капитана, обводя комнату взглядом.

Белый свет ламп резко разорвал тьму, освещая комнату, в которой мы оказались. Это было помещение для военных — раздевалка, предназначенная для экипажа, готовящегося к боевым заданиям. По обе стороны стояли ряды металлических шкафчиков, каждый из которых имел именную наклейку на поверхности. Без излишеств, строго и функционально.

В дальнем конце помещения, высились массивные оружейные шкафы. Их матовые поверхности казались безжизненными, но стоило приблизиться, как биометрические сенсоры вспыхнули мягким светом, распознавая допуск. Некоторые дверцы уже были открыты — внутри зияли пустые ячейки. Чёрные пустоты в них говорили громче слов: часть арсенала уже на руках. В голове всплыли слова Джеймса. Теперь сомнений не оставалось — отсутствующее оружие оказалось в лаборатории. Там, где я слышала выстрелы.

Элиас предложил отклониться от плана и заняться осмотром оставшегося снаряжения. И это было разумно: каждый лишний инструмент обороны мог решить нашу судьбу. Он первым подошёл к ближайшему шкафу, его ладонь легко коснулась панели, и та с глухим щелчком распахнулась. Внутри — комплекты боевой экипировки, аккуратно разложенные на антигравитационных подставках.

Не теряя ни секунды, он первым сорвал с себя старую форму и ловко начал натягивать бронекостюм. За ним последовал Исаак. Костюмы оказались далеко не новыми: кое-где затертые, с царапинами, местами не по размеру, но ис-

правные. В ухе зазвучал голос Лео — деловой, чуть хриплый, с ноткой военной увлечённости. Он коротко объяснил принцип работы защиты: композитная ткань из графеновых волокон, устойчивая к перегреву, кислотам и мелким механическим повреждениям. На груди и плечах — металлокерамические пластины, рассчитанные на краткий бой или взрывную декомпрессию. Не броня мечты, но лучше, чем ничего.

Главным трофеем оказались наручные модули — компактные генераторы энергоцитов. Они создавали тонкое поле перед пользователем, поглощая кинетический удар. Но перегревались быстро: выдерживали один-два фронтальных контакта, после чего уходили в перезагрузку. Лео сказал: «Не гарантия, но хотя бы что-то.»

Обойдя центральные шкафы, я нашла дверцу с именем девушки и открыла её. Панель отступила вбок, и внутри, идеально зафиксированный, покоился комплект брони. Зелёно-серый защитный костюм, ждал своего часа. Размер не идеален, велик в плечах, но это не критично — поверх всё равно идёт бронежилет и крепления под вооружение. Пока я затягивала ремни и проверяла фиксацию, вес костюма начал чувствоваться: килограммы дополнительных слоев, металлических вставок и встроенных сенсоров — не катастрофа, но определённо напоминание, что ты готовишься не к прогулке. Было непривычно, но я понимала: чем больше защиты, тем больше шансов на выживание. К тому же, теперь, если я попаду под удар, хотя бы не умру сразу.

Элиас загрузил в рюкзак несколько резаков — грозных, хоть и старомодных инструментов. С виду — массивные нарукавники, но стоило активировать, и из них выдвигались тонкие энергетические лезвия, вибрирующие с частотой, способной разрезать металл. Они не имели дальности, но в ближнем бою оставляли противнику мало шансов. Особенно если враг неуязвим к стандартному вооружению. При необходимости резак мог также быть использован как аварийный инструмент — вскрыть переборку, вырезать замок или срезать броню. Я им никогда не пользовалась, но спасибо Лео в моём ухе, который объяснял столь очевидные вещи.

Мы нашли и пару плазменных шокеров — ручных устройств для временного обездвиживания живых целей. Они работали нестабильно против крупных существ, но могли дать несколько драгоценных секунд. Плюс пара пульс-бластеров с зарядом на десять выстрелов каждый.

Обменявшись быстрыми взглядами — все понимали: в этой игре не будет второй попытки. У нас было оружие, и это придавало уверенности, но не снимало главного вопроса — сможет ли это оружие дать нам хоть какой-то шанс перед лицом того, что бродит по кораблю? Мы все знали, что предстоит столкнуться с невообразимым, но никто не знал, на что эта тварь способна.

Глава 15: Цвет внутри

Кассандра

Когда каждый из нас затянул ремни рюкзаков, я почувствовала, как вес будто вдавликает меня в пол, стягивая плечи и ограничивая подвижность. Словно чужая тяжесть поселилась на спине, заставляя каждый шаг продумывать заранее. Но вместе с грузом пришло и другое чувство — ощущение защищенности, пусть и обманчивое. Мы больше не были безоружны.

Элиас, обладая не только выправкой, но и лучшей физической силой, без лишних слов взял на себя более тяжелую ношу — инструменты вскрытия, аварийный ремонтный комплект и несколько инфракрасных маяков для передвижения по тёмным секторам.

Мне достались четыре защитных костюма — тонкие, но усиленные карбоновыми нитями и встроенной нанобронёй. Они не могли выдержать прямого попадания плазмы, но спасали от разрывов, когтей, острых осколков и даже частичной декомпрессии. Их основное преимущество — универсальность и скорость надевания. Несмотря на то, что они состояли из ткани, вес был ощутимым — почти половина моей массы. Я понимала: если придётся бежать, путь будет недол-

гим. Но если нас прижмут — эти костюмы дадут шанс выжить хотя бы кому-то из нас.

Исаак тоже методично собирал снаряжение. Я краем глаза заметила, как он загружает резак, резервные аккумуляторы, а также небольшие контейнеры с маркировкой, предположительно — нейростимуляторы или болеутоляющие. Так, как будто знал, что в ближайшие часы любой из этих предметов может спасти жизнь.

Первый помощник, не теряя времени, пристегнул резак к бедру — крепёжная система магнитно-механическая, адаптирована под быстрое извлечение. Он действовал со странным спокойствием. В его движениях чувствовалась та внутренняя дисциплина, которую не купишь и не сымитируешь. Как будто он знал: если тварь появится, времени будет не больше секунды — и в этот момент оружие должно быть не «где-то в рюкзаке», а в руке.

Я же, вместе с коллегой, выбрала бластер. Он был легче, удобнее — тактическая модель с быстрым откликом и возможностью ручного переключения мощности. Мы уже видели, как на это оружие реагирует тварь — она не умирала при выстреле, а просто отшатывалась, сбиваясь с траектории. А иногда именно замешательство может спасти нам жизнь.

— Ну что, готовы? — голос Элиаса прозвучал твердо и без возможности для возражений. Он оглядел нас быстрым, цепким взглядом, как командир, проверяющий отряд перед броском в неизвестность. Его глаза задержались на Исааке

— тот ответил молчаливым кивком, крепче сжимая бластер, будто скрепляя этим жестом не оружие, а собственную решимость. Ни слов, ни лишнего напряжения — одна лишь готовность.

Потом перевёл быстрый взгляд на меня — и у меня будто что-то внутри оборвалось. Не страх, не тревога, а то глухое, первобытное ощущение, когда воздух в лёгких становится чуть плотнее, когда всё существо замирает, как перед прыжком в бездну. Я отвела глаза, пытаюсь спрятать дрожь под маской сосредоточенности. Сейчас для чувств не время.

— Мы выдвигаемся обратно. Постараемся не шуметь. Если что-то пойдёт не так — вы знаете, где нас искать, — спокойно сказал он, передавая сообщение в командный канал.

Дверь с тихим шипением разъехалась в стороны, впуская нас в серый коридор. Тусклые огни освещения моргнули на потолке и вновь затрепетали, отбрасывая на стены наши тени.

Эл вышел первым. За ним шагнул Исаак — чуть сутулясь. Он казался щуплым, почти хрупким, под увесистым рюкзаком.

И, наконец, я.

Моя рука сжала рукоять бластера до побелевших костяшек. Один шаг. Второй. Каждый звук — слишком громкий. Мы двигались медленно, словно по минному полю, не зная, когда и откуда рванет. Была ли тварь ещё здесь? Или она уже следила за нами? Незаметно, где-то в тени.

Продвигаясь так же тихо, как и на пути к оружейной, мы вслушивались и вглядывались в каждый поворот, каждую тень. Однако теперь шло тяжелее — вес экипировки давил на тело, а каждый шаг казался слишком громким.

Мы вышли из военного сектора и добрались до середины жилого комплекса — к столовой, огромному открытому пространству. Оно зияло пустотой, в которой наш шаг звучал слишком резко. Слишком уязвимо.

Сделав несколько шагов вперёд... мои колени вдруг подогнулись. Меня будто толкнули, и я рухнула на пол, облокотившись руками, чтобы не удариться о металл лицом. Бластер выскользнул из рук, отъехав в сторону. Всё вокруг стало далеким. И шум. Глухой и гнетущий. Ощущение будто я оказалась в открытом космосе без шлема. Мир задрожал, стусился и начал меняться.

Перед глазами появились гигантские деревья, уходящие к небу. Их корни — мощные, извилистые, будто волны, уходили вглубь, под землю, под кожу этого мира. Я слышала, нет, чувствовала, как что-то в них дышит. Шум усилился до невыносимого гудения. Я зажала уши ладонями, пытаюсь заглушить этот безумный вой, но он лился изнутри.

Челюсть свело от напряжения. Это я неосознанно сжимала зубы так, будто хотела их сломать. Воздух стал слишком вязким. Дышать — пытка. Запах. Резкий, терпкий, зеленый... неестественно живой. Слишком реальный.

Я клянусь — это всё было взаправду. Мир дрожал, краски вспыхивали и плавилась в одном вздохе, а я — просто тонула. Погружалась в это «что-то».

Ведение прервалось так же неожиданно, как и началось.

Я моргнула.

Передо мной было лицо Элиаса. Он тряс меня за плечи в попытках привести в чувства.

— Эй! Ты в порядке?! Чёрт, очнись! — он снова встряхнул меня, сильнее.

Я поняла, что уже несколько секунд смотрю сквозь него. Не в него, а куда-то глубже, дальше. Будто часть меня всё ещё там, среди деревьев, в той нереальной зелени. Возвращаться обратно было крайне тяжело.

Моё сердце бешено колотилось, а лёгкие срывались на судорожные вдохи, будто я и правда только, что вернулась из открытого космоса. Воздух казался слишком плотным, будто я вдохнула воды.

— Я... — голос сорвался на хрип, язык прилип к нёбу. Я с трудом сглотнула вязкую слюну и попыталась ухватиться за реальность.

Металлический пол под ладонями. Блеклый свет, дрожащий над нами. Стены. Шепчущая тишина. Это здесь. Это теперь. Это настоящее. И всё же контраст с тем, что я только что видела, выворачивал мой мозг наизнанку. Словно две реальности боролись за то, чтобы остаться единственной.

Сбоку послышался приглушенный шорох. Исаак поднял мой бластер.

— Ты заражена? — его голос был резким. Он не кричал, но угроза в тоне улавливалась. Подозрительно сощурившись, он оценивал то, что видел. Крепче сжав оружие, он пока не поднимал его.

Я медленно замотала головой, поднимая руки в жесте «*Я не представляю угрозы*». Осторожно перекатившись на бок, попыталась подняться. Первая попытка вышла неудачной — ноги дрожали, а мир вокруг ещё плыл, будто после удара током. Во второй раз получилось лучше и удалось выпрямить спину.

— Если нет, что это было? У тебя был приступ. Если ты заражена... тебе стоит остаться здесь, — голос Исаака стал холодным, без эмоций. Он щелкнул предохранителем моего оружия, которое я выпустила из рук теряя сознание, — Элиас, пошли.

Теперь они оба смотрели на меня иначе. Не как на парника. А как на потенциальную проблему. Потенциальную угрозу. И я знала — не потому, что они хотели этого, а потому что боялись меня. Как и я сама.

— Я не заражена! — мой голос надломился, срываясь почти на крик, — это... это не то, что вы думаете.

Исаак не убрал оружия. Его глаза сузились, взгляд стал почти стеклянным, расчетливым. Его костяшки на рукояти бластера побелели от напряжения. Элиас же колебался. Его

взгляд метался, между нами, словно он взвешивал на весах что-то большее, чем просто слова. Но его метания были крайне заметны.

— Тогда объясни, что это было, — Исаак, теряя остатки контроля, тоже повысил голос.

Сглотнув, я снова попыталась собрать мысли. Слова не шли, всё в голове путалось, но я не могла остановиться, не могла отступить.

— Не знаю, как это объяснить, — я провела дрожащей рукой по лицу, словно пытаюсь стереть остатки видения, — не знаю, почему это со мной происходит, но я вижу нечто, чего здесь не должно быть. Как будто это воспоминания.

Исаак фыркнул, и его лицо скривилось в недовольной усмешке.

— Воспоминания? С каких пор они вызывают припадки?

Я прикусила губу. Конечно, звучало это безумно, но разве всё, что с нами здесь происходило, не было безумием? Молчание затянулось. Я не знала, что сказать, но внутри меня что-то неуклонно указывало — он не прав. Но и я не была уверена в своей правоте.

Элиас выдохнул и напрягся, как будто собираясь говорить что-то важное:

— Слушай, она с нами с самого начала. Если бы это было заражение, ты думаешь, оно не проявило бы себя раньше? Ваш сотрудник уже мёртв. Солдат ещё жив и вроде даже не заражен. Если она и мутировала, вы же этого и добивались,

разве нет? — его слова звучали не как утверждение, а скорее как последняя попытка найти разумное объяснение.

Его слова срезали напряжение, но Исаак быстро сжал зубы. Он резко повернулся ко мне, его лицо было искажено гневом и беспокойством.

— Разве не вам нужны были суперсолдаты, которые смогут выжить на планете? — сорвавшись, Эл встал прямо передо мной, загораживая меня.

Я почувствовала, как воздух стал тяжелее, а слова повисли. Их не кому было перехватить. Вытянув руку с бластером, на нас навели прицел. Оставалось только наблюдать, как он делает шаг назад, не сводя с нас сомневающихся глаз.

— Этот эксперимент пошёл по не по плану, когда Дмитрий стал вводить другую дозу испытуемым, — голос Исаака стал холодным, как лёд, — не знаю, чего ожидать и не хочу поворачиваться спиной к тому, кто может стать причиной моей смерти. Ничего личного, лаборант Кассандра.

В тот момент, я почувствовала, как напряжение переходит в осознание — он больше не видит во мне союзника.

— Тогда и мне ты не можешь доверять. Как и половине тех, кто по вашей вине проснулся раньше положенного времени. Тебе не кажется, что это перебор?

Исаак замер, его пальцы побелели на рукояти. Взгляд стал острым, как лезвие, пронизывающим меня насквозь вместе с тем, кто меня прикрывает. Мелькнуло сомнение, но оно исчезло так же быстро, как и появилось.

— Перебор? — тихо повторил он, потом его губы скривились в улыбке, но она была мертвой, без следа веселья, — может быть. Но перебор — это проснуться на корабле, полном тварей, которых не должно существовать. Перебор — это знать, что эксперимент сорвался, а мы все просто фигуры на доске, с которой нет выхода.

Он сделал еще один шаг назад, приближаясь к двери. Ещё один взгляд — и я увидела, как его решимость стала почти осязаемой.

— Я не желаю вам зла. Но если вы потеряете контроль... если в ней действительно что-то меняется, я не стану рисковать.

— И что тогда? Убьёшь её? Меня тоже, потому что я тоже проснулся вместе со всеми?

Исаак не ответил. Он схватился за голову, как будто внутренний голос ему говорил совсем другое. Его дыхание стало тяжелым. Это был момент, когда я поняла — он боится.

— Не знаю... не знаю... — его слова рвались из груди, как нечто потерянное и запутанное. Он резко развернулся и побежал, не обращая внимания нас. Он не пытался быть тихим. словно его цель заключалась в том, чтобы добраться до остальных пробудившихся, а всё остальное — на втором плане. На нас ему было наплевать.

На несколько мгновений каждый погрузился в свои мысли, как будто мир вокруг нас замер. Всё, что было, казалось отдаленным, а мысли несли меня туда, где я не хотела быть,

в эти тёмные уголки ужаса, который мы не могли контролировать. Если мы и правда все мутировавшие, нет никакой гарантии, что мы доберемся до планеты в здравом уме и теле. Усталость от вечного напряжения, страх перед неизведанным... Я уже не против была бы умереть здесь и сейчас, просто закончить всё это, не надеясь на спасение. Но в памяти снова всплыли эти видения — лес, где деревья тянулись до самого неба, и странным образом реальный запах воздуха, который мне казался родным. И решимости прибавилось. Если это действительно воспоминания о той планете, к которой мы направляемся, я должна попасть туда. Там моё место. И я вернусь туда, как бы мне ни было тяжело.

Я поправила рюкзак за спиной, ощущая, как он давит, но уже не так сильно. Оружия у меня не было, но в голове снова прояснилось. Подходя к Элу, который стоял ко мне спиной, я тихо проговорила:

— Спасибо.

Этой благодарности казались недостаточно, но я не могла подобрать слов лучшее. Понимала, что этого недостаточно за его защиту. За то, что он не позволил Исааку сделать шаг, который мог бы стать фатальным для меня.

Его плечи напряглись и он медленно повернулся ко мне. Его глаза, казалось, светились изнутри, синяя искра, как свет в тёмной ночи, была заметна даже при слабом освещении. Он улыбнулся, но эта улыбка была вымученной.

— Всё нормально. Он не имел права тебе угрожать, ведь

именно по их вине мы стали такими, — его голос был ровным, но в нём была некая усталость, которая пробивалась сквозь уверенность.

Я не могла отвести взгляд от его света, и тут же поняла, что они были не просто яркими из-за освещения — они действительно светились, как если бы в них была своя внутренняя энергия.

— Твои глаза... — я потянулась к нему рукой, будто пытаясь удостовериться, что это действительно так. Что мне не мерещится. В последнюю секунду я одернула себя, как будто вдруг испугалась, что это будет не правильным.

Он немного наклонил голову и мягко произнёс, как будто понимая мои сомнения:

— Да, я вижу. Вижу то, что другие не видят. Думал, это после внепланового пробуждения, но я вижу вихри энергии. Когда у тебя начинаются видения, твой цвет вспыхивает, как будто тебя накрывает волной чего-то, — он помолчал, и его взгляд стал задумчивым, как будто он сам пытался понять, что происходит с ним, — так же могу сказать, что точно заразился солдат и медик. У них свой цвет. У Дмитрия она тоже была, но слишком нестабильная. Поэтому, можно считать, я тоже заражённый. Пока не понимаю, как это связано, но хотелось бы узнать, почему у каждого свои проявления. — Он сокрушённо вздохнул, и, запустив руку в волосы, ерошил их. Его глаза в этот момент снова потускнели, стали обычными.

Я стояла и пыталась всё это осмыслить. Мы вдруг стали

частью чего-то гораздо большего, чем просто обычная экспедиция.

— Нам нужно добраться до вентиляции, — сжав руки в кулаки, я пыталась собраться, несмотря на бурю внутри, — даже если мы заражены, мы всё равно должны помочь остальным. Я не уверена, что существо будет тихо и мирно ждать, пока корабль не достигнет до планеты.

— Тут я с тобой согласен, — он отстегнул рюкзак, вытащив второй бластер. Оружие сверкнуло холодным металлическим блеском. Он протянул его мне, не отрывая взгляда, — этот, пожалуйста, не теряй.

Кивнув, я крепче сжала оружие. Его тяжесть придавала мне уверенности. В этом проклятом месте, среди всего, что происходило, я снова почувствовала хоть какой-то контроль. Мы с Элиасом должны были идти, несмотря на все сомнения и страхи. В этом, наверное, и заключалась наша сила — продолжать идти, несмотря ни на что.

Глава 16: Кровь на руках

Кассандра

Мы продвигались вперёд, стараясь двигаться как можно тише. После всего, что я услышала от Элиаса, внутри стало неожиданно спокойно. Не потому, что исчез страх, а потому что теперь я знала: я не одна. Кто-то ещё чувствует то же, что и я. Тот же странный ток под кожей, ту же вибрацию в пространстве, тот же зов — пугающий и манящий одновременно.

Металлические переборки сменяли одна другую, одинаковые, словно штампованные под копирку. Автоматические двери открывались с коротким шипением, впуская в коридоры струи холодного воздуха.

И вдруг — контраст. Красные капли тянулись по полу цепочкой, густые и блестящие, как расплавленный металл. Они казались чужеродными в этом стерильном, механическом мире. Свет ламп дрожал, отражаясь в них призрачным багрянцем, превращая обычный коридор в место преступления. Мы замерли, как по команде.

Элиас присел на одно колено, будто охотник, считающий след. Его перчатка скользнула по алой жидкости, на долю секунды задержалась.

— Свежая... — прошептал он, едва слышно.

Он тут же поднялся, выхватывая резак и закрепляя его на руке. Лезвие с лёгким щелчком вспыхнуло, и мягкое гудение заполнило тишину. Он огляделся, и по выражению его лица я поняла, о чём он думает.

Мы продвинулись вперёд, осторожно, будто каждый шаг мог разбудить то, что оставило эти следы. Капли становились гуще, крупнее, но следов не было. Ни отпечатков ботинок, ни потёков по стенам. Только ровные, почти идеальные пятна на металле.

Я почувствовала, как под кожей пробежал холод. Такое ощущение, будто кровь просто... нарисовали.

С каждым шагом тревога в груди распухала, превращаясь из смутного беспокойства в почти физическую боль. Казалось, сердце уже знало то, чего разум ещё не успел осознать — впереди что-то было. Что-то неправильное. Воздух стал плотным, и каждый вдох отдавался металлическим привкусом страха.

Мы остановились у одной из дверей к которой шла алая дорожка. Отступать было уже поздно. Не теперь. Не после всего, что мы уже увидели. А если Исаак там — ранен, за этой дверью, ждёт, помощи?

Я шагнула вперёд, и в этот короткий миг всё вокруг словно сузилось до одной точки. Ладонь дрожала, когда я приложила её к сканеру. Холодная поверхность отозвалась под пальцами. Экран мигнул, пробежалась цепочка символов, и

створки двери с тихим, механическим жужжанием начали расходиться в стороны, впуская нас внутрь.

Мы не успели понять, что произошло.

Сначала была вспышка — резкая, выжигающая зрение. Затем звук, от которого сжались внутренности, словно сам воздух разорвали пополам. Что-то мелькнуло у самого лица, пронеслось с визгом, от которого заложило уши, — и вонзилось в Элиаса.

Его тело дёрнулось назад, будто удар пришёлся в самый центр тяжести. Его лицо мгновенно скрутило болью, зубы сжались, на виске проступила вена. Он пошатнулся, но устоял.

Я не думала.

Курок под пальцем защёлкнул сам по себе — сухо, окончательно. Отдача ударила в руку, прошла по суставам, отозвалась в локте тупым треском. И только после выстрела я увидела Исаака.

Он сидел у стены напротив двери, сползший вниз, словно силы внезапно покинули его. Спина упиралась в холодный металл, плечи были сведены, голова чуть наклонена набок. Глаза полузакрыты — не потеря сознания, скорее оцепенение. Моя пуля вошла ему в грудную клетку. Если бы не защита, он был бы уже мёртв.

В груди сжало так резко, будто стреляли в меня, а не в него. Дыхание сбилось, стало рваным и неглубоким. К горлу подступила тошнота, а глаза обожгло горячей влагой. В ушах

всё ещё стоял гул, и мир звучал глухо. Это был мой первый выстрел в человека.

Только сейчас я заметила его раны. Левая сторона лица была в крови, и он прижимал к ней тряпку, обмотанную вокруг руки. Если бы не защитный костюм... мысль оборвалась сама собой...

В комнату ворвался Элиас. Он зажимал рану на плече, пальцы были скользкими от крови, но движения оставались точными, собранными. Быстрый взгляд — Исаак, я, пространство — и ни слова. Он схватил меня за предплечье и резко, почти грубо, втянул в комнату. Затем зашёл сам и закрыл двери с внутренней стороны. Замок щёлкнул, окончательно, отрезая нас от коридора.

— Вообще-то я шутил, когда говорил, что ты нас убьёшь, — нервно усмехнулся Эл, опускаясь к противоположной стене.

Он аккуратно снял рюкзак, словно каждое движение давалось с трудом, поморщился и начал рыться внутри в поисках аптечки — слишком спокойно для человека, который только что балансировал на грани смерти.

— Оно было zde... — Исаак говорил, прижимая окровавленную повязку к лицу. Его голос дрожал и окончания слов он проглатывал, — я чудом уше... Я думал, это оно, что вернулось. Я... не знал.

Его трясло. Паника захлестывала, ломая остатки самообладания. Он был на пределе.

Я обернулась и сразу заметила, как тяжело Элиасу даются движения. Без раздумий метнулась к нему. Металлический запах крови ударил в ноздри, но я старалась не отвлекаться. Перерывая рюкзак, убирая всё, что мешало добраться до аптечки, я нащупала обезболивающее и без промедления ввела его.

Затем аккуратно принялась стягивать с Элиаса костюм. Ткань липла к телу, словно вторая кожа, и каждое движение вызывало хриплые, сдержанные всхлипы. Я взяла скальпель из аптечки и осторожно поддела расплавившийся край — ткань разрезалась с едва слышным хрустом, и наконец я добралась до его плеча.

Под сгоревшей оболочкой открылась рваная рана. Кожа вокруг была покрасневшей, местами обожженной. Но, к счастью, пуля прошла насквозь. Выходной канал рваный, но осколков не видно — значит, вытаскивать ничего не придётся.

— Это будет больно, — предупредила я, прежде чем начать обработку.

Элиас лишь коротко кивнул и стиснул зубы. Я достала антисептический аэрозоль и аккуратно обработала обожжённые края раны. Он дёрнулся, но не издал ни звука — только пальцы сжались в кулаки, а челюсть напряглась так, что я услышала глухой скрежет зубов.

Кровь зашипела, вспенилась и быстро подсыхала, оставляя на коже тусклый налёт. Я повторила процедуру со спины

— там рана выглядела немного лучше.

В аптечке нашёлся гемостатический пластырь. Разорвав упаковку, я прижала пластырь к краю раны и надавила.

Элиас резко перехватил мою руку, сжал её здоровой так сильно, что я уж подумала, что он мне сломает руку.

— Знаю, больно... потерпи чуть-чуть, — пробормотала я, нажимая сильнее, чувствуя, как пульс в его руке бьётся в такт моему.

Эл шумно выдохнул и отпустил. Я повторила то же самое с другой стороны. Нам повезло — пуля прошла между началом ключицы и рукой. Повреждены мышцы, связки... но ничего критичного, по крайней мере визуально. В последний момент я наложила плотную повязку, обмотав бинтом пластырь, и туго зафиксировала его.

К концу процедуры он почти не двигался. Похоже, обезболивающее наконец подействовало, и мне стало легче завершать работу. Когда я завязала последний узел, взглянула ему в лицо. Он был бледен, истощён, но даже после всего — глаза оставались удивительно спокойными. Вспомнив, как они светились раньше, как в них отражалась какая-то невидимая сила... мне вдруг захотелось увидеть это снова.

— Ты красивая, — шёпотом произнёс он, отдаваясь покою.

Слова были почти неразличимы, но я услышала. Сердце дрогнуло, странно и неожиданно. Бредит, наверное... и всё же в этом шёпоте было что-то настоящее. На мгновение сжа-

тость, которая держала меня всё это время, отпустила, оставив лёгкость и тихую благодарность.

Я вытерла окровавленные руки о штаны, потом достала стерильную салфетку и тщательно обработала пальцы — просто чтобы хоть немного почувствовать себя чище. Сделав глубокий вдох, я медленно повернулась к Исааку.

Он молчал, прикрывая половину лица. Будто пытался спрятать не столько боль, сколько уязвимость. А его пистолет, несмотря на раны, всё ещё был направлен в нашу сторону — рука дрожала, но оружие он не убирал. Он был готов защищаться даже сейчас.

— Снова скажешь, что мы заражённые, и сбежишь, как сумасшедший? Или дашь мне помочь? — спросила я, не скрывая раздражения. Именно он довёл до того, что они оба оказались ранены.

Его взгляд, тёмного глаза, задержался на моём лице. В нём мелькнула боль, сомнение и, возможно, нечто большее — сожаление. Секунды повисли в воздухе, словно время застыло. Я чувствовала, как адреналин всё ещё пульсирует в венах, перемешиваясь с глухим негодованием.

Исаак медленно поднял голову. Его взгляд прояснился.

— Я не хотел, чтобы всё вышло так... Просто хочу домой, — прошептал он. Голос дрожал, в нём звучала усталость и раскаяние. Он убрал пистолет — жест, простой, но значимый. Почти как извинение.

Взяв открытую аптечку, я подошла к дёрганому парню.

Села рядом, осторожно коснувшись его израненной руки. Он нехотя опустил её, взгляд отвёл — словно стыдился того, что теперь с ним стало. На лице проступали три шрама: от уха к губе, от виска к носу и от лба к брови, чудом не задев глаз.

Я смочила салфетку антисептиком и начала аккуратно очищать раны. Он пробормотал несколько едких грубых слов, и на мгновение я забыла обо всём, что творилось за дверью. Шрамы были неглубокие, но широкие, и я наложила на всю правую сторону лица гемостатические пластыри. Остальное доделает Анна, когда мы вернёмся. У неё рука натренирована, может сможет оставить минимальные следы.

Когда лицо было обработано, я перешла к его руке, обмотанной грязной тряпкой. Вид оказался хуже, чем я ожидала: мизинец и безымянный палец были сломаны — кости беспомощно болтались среди мышц и кожи. Он застонал от боли, и я сразу же ввела вторую дозу обезболивающего. В аптечке осталась лишь одна.

Пришить пальцы здесь я не могла. Да и вряд ли это помогло бы. Нужно как можно скорее добраться до медотсека. Я сделала всё, что могла в такой ситуации: наложила последний пластырь на место, где торчала кость, и туго зафиксировала всё бинтами, прижав повреждённые пальцы к среднему — это хоть как-то стабилизирует положение до того, как помогут профессионалы.

Когда я закончила, выпрямила затекшие ноги и распласталась на полу. Только теперь отметила, что мы в чьей-то

каюте.

— Расскажи, как ты от Экза сбежал. Остальные погибли после встречи с ним, — обратилась я к Исааку, поворачивая голову к Элиасу, который, похоже, спал.

— Чудом... — его голос дрожал, а в глазах мелькнула тень боли.

— Я... просто побежал. Потом собирался вернуться за вами, но услышал странный шум сбоку. Направил оружие и стал ждать. Оно двигалось так быстро, что преодолеvalo несколько метров за секунду. Я только успел нажать на курок — и по моей руке пришёл удар. Я, наверное, его ранил... не знаю точно. Он успел ударить и по лицу. Чудом, он лишь задел меня, не проломив голову. Ещё один удар пришёл по груди, отбросив меня к двери. Щит сработал только один раз — и тут же выключился.

Слова срывались в истеричных нотах, а дыхание его было неровным. Я чувствовала, как напряжение сцены сжимает воздух вокруг нас, будто сама каюта пропиталась страхом и болью.

Исаак замолчал, погружаясь в воспоминания, и я не стала торопить его. В тишине его молчание говорило больше, чем слова: страх, боль и ужас от случившегося висели в воздухе слишком отчетливо. Я тихо наблюдала за ним, стараясь уловить каждое движение, каждое изменение на его лице, понимая, что сейчас не время для обид.

— Не понимаю, почему он не убил меня, хотя мог. Чёрт,

эти чёрные глаза... как будто смотрели прямо в душу, — он закрыл лицо руками, сжался, и его тело начало потряхивать, будто он вот-вот заплачет.

Закрыв глаза, я попыталась на мгновение представить, что это всё сон, и на самом деле я всё ещё в капсуле. Что всё, что происходит, — это лишь плод моего воображения. Что вот-вот мы прилетим на Альтерру, и я начну работать в лаборатории. Наши инженеры установят аванпост, и мы начнём изучение планеты. Что на том месте, где впервые высадились люди, я встречу отца, и он не погиб вовсе. Но сколько я не пыталась, мне так и не удалось вспомнить его лицо. Я мечтала, что, когда выучусь, начну путешествовать вместе с ним, и нам не придётся больше расставаться.

— Ну где вы там? — резкий голос в голове заставил меня распахнуть глаза. Я уставилась в потолок, находясь в чьей-то спальне. Не знаю, кто именно это сказал, но только сейчас вспомнила о наушнике в ухе.

— Мы взяли резак, но у нас случился контакт с существом, — ответил Элиас, пальцами проверяя проделанную мной работу.

— Есть пострадавшие? — теперь я точно узнала голос капитана.

— Есть, но все живы. Мы почти добрались до вентиляции, — продолжил он. — Однако я не уверен, что больше не столкнусь с ним.

— Я тоже не уверен, — вмешался Исаак, поднимаясь с

пола, — но как будто сыворотка на нём всё ещё действует: после моего выстрела он не стал меня преследовать.

— Тогда предлагаю поторопиться и не испытывать удачу.

Глава 17: Рывок

Кассандра

Мы быстро собрались. Я протянула Элиасу бластер — он сжал его в левой руке, словно цеплялся за что-то материальное. Правая была перебинтована, он почти не двигал ею, но и не жаловался. Я попыталась снять с него тяжёлый рюкзак, но он только упрямо мотнул головой. Коротко пробубнил:

— Понесу пока действует обезболивающее.

Его резак, одела я, тут же ощутив тяжесть массивного аппарата на себе, его рукоять казалась продолжением моей руки, но в то же время чем-то инородным. Не оружие, а скорее защита.

Дверь открылась с глухим, влажным щелчком, скользнув вбок. Этот звук, хоть и тихий, в напряженной тишине прозвучал как выстрел. Мы замерли. За дверью — темнота. Тени в углах казались живыми. Лампочки аварийного освещения вспыхивали, будто мерцали от страха, заливая стены холодным, призрачным светом.

— Чисто, — выдохнул Исаак, почти беззвучно, и сделал шаг вперед.

Я двинулась следом, сдерживая дыхание. Казалось, если я этого не буду делать, оно вырвется наружу и разнесётся эхом

по всему кораблю. Элиас замыкал цепочку, глухо шаркая тяжёлыми ботинками. Он шёл ровно, но я слышала его дыхание — рваное, тяжёлое, будто он сам был на грани срыва.

Впереди уже показалась дверь, а за ней вентиляционный люк. Одно дыхание, один рывок. Но каждый метр казался вечностью, коридор — лабиринтом. Пол поскрипывал под шагами, будто недоволен, что его тревожат.

Вдруг по спине пробежал холод. Не просто мурашки, будто ледяная игла провела по позвоночнику. Я замерла. Исаак и Элиас тоже остановились почти одновременно.

Где-то вдалеке — еле слышный шорох. Будто когти прошли по металлу. Сухо. Протяжно. За ним — затяжной, хриплый вдох, словно нечто огромное вдохнуло в себя воздух всего отсека.

Кровь в жилах стала гуще.

— Быстрее, — прошипел Элиас, и его голос прозвучал как знак к действию.

Мы рванули вперёд. Как будто убегали от самого ужаса.

Экипировка тянула вниз, дыхание рвалось наружу, сердце стучало так громко, что, казалось, его слышит весь корабль. Позади нас — пустота. Но она не оставалась пустой. Она двигалась. Что-то глухо, тяжело ступало по металлу, и шаги эти приближались. Не торопясь. Оно не спешило — знало, что поймают.

Дверь к вентиляции распахнулась с шипением. Исаак нырнул внутрь, мгновенно зацепившись за лестницу и взле-

тев вверх. Элиас запнулся на ходу. Он стиснул губы, но его раненая рука не слушалась. Я заметила, как его лицо исказила гримаса злости.

— Лезь первым! — крикнула я, толкая его к отверстию.

Я уже собиралась идти за ними, когда услышала звук. Сначала — лёгкий, почти незаметный шорох, а затем что-то глухое и тяжёлое, скребущее по металлическому полу. За спиной — движение. Я обернулась мгновенно, и в глазах промелькнуло нечто огромное, тёмное, слишком близко, чтобы успеть что-то понять.

Сердце вгрызлось в рёбра, кровь хлынула в виски, а дыхание застыло. Понимание пронзило мгновенно: **не успеваю**. Мозг отказывался работать в привычном ритме — только рефлексы, только адреналин.

Каждая клетка тела закричала «беги», и я слушалась. Рванула вперёд, в темноту коридора, чувствуя, как стук собственных шагов превращается в дробь. Резак бился о бедро, каждый удар отдавался болью. Пот стекал по спине, лип к одежде. Воздух жёг горло, лёгкие сводило от нехватки кислорода.

А коридор будто издевался — растягивался, тянулся всё дальше, ломая пространство. Каждая секунда растягивалась в вечность. Воздух был вязким, тяжёлым, пропитанным металлом и холодом — как перед коротким замыканием. Казалось, само судно затаило дыхание, слушая, кто из нас первый проиграет этот забег.

Левый бок горел, будто под кожей плавился металл. В глазах двоилось, и каждое движение отдавалось болью — тупой, хищной, растущей с каждым шагом. Ноги не слушались, но я продолжала бежать, спотыкаясь о собственную тень.

И вдруг — удар. Глухой, такой силы, что пол под ногами дрогнул. Воздух вздрогнул эхом прошедшей волны. Где-то позади металл скрипнул, словно сдавленный стон корабля.

Потом — звук. Низкий, гортанный, с вибрацией, проходящей через все ноющие мышцы, прямо в кости.

Шлюз.

Он впереди.

Свет мигает, едва различимый, но он там.

Я бросилась к нему, спотыкаясь, чувствуя, как в ушах громко стучит кровь. Мир стал узким — только коридор, только дыхание, только цель.

Я ввалилась внутрь, ударившись плечом о стену. Боль взорвалась вспышкой, но я даже не вскрикнула. Рывком обернулась — и увидела, как из-за угла тянется тень. Не просто тьма — будто сама плоть пространства, живая, колышущаяся, ощупывающая стены.

— Панель... где панель?! — слова вырвались будто в истерике.

Пальцы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.